

**Валентин
ТОМБЕРГ**

**Статьи о России,
написанные в 1930-1931 гг.**

перевод с англ. Катя Конева

**г. Томск
1999-2000 гг.**

СОДЕРЖАНИЕ:

1. ..Антропософия на Востоке.....	4
2. ..Христианство в России.....	7
3. ..Миссия Восточной Европы относительно миссии Запада.....	10
4. ..Движения против Духовной Науки на Востоке.....	13
5. ..Духовная жизнь Азии.	17
6. ..Китай и Восточная Европа.	21
7. ..Монголоизм и Восточная Европа.....	26
8. ..Финский импульс в Русской Духовной жизни.....	30
9. ..Сказание о Святом Граде Китеже как откровение важных сил Русской Народной души.....	34
10. Восточно-европейская концепция страдания.....	38
11. Воскресение как процесс внутри человеческого организма.....	41
12. Возможности развития Восточного Христианства.....	45
13. Соловьев, Достоевский и Толстой открывают Восточно- европейский образ мысли, чувства и воли.	49
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	53

1. Антропософия на Востоке

Как Антропософия может быть представлена на Востоке?

Этот вопрос рождался в мыслях всё большего числа людей, имеющих живой интерес к будущему Антропософского движения. Рассматривая этот вопрос, становится очевидным, что не нужно изменять, переформировывать философию Рудольфа Штайнера с той целью, к примеру, чтобы она стала русской. Рассуждения Рудольфа Штайнера о великих космических взаимосвязях или о сокровенных глубинах человеческого существования так понятны, что человек любой страны и любого народа может поучиться у этих рассуждений. Но цель заданного вопроса кроется в другом. Не суть Антропософии подвергается вопросу, а то, как она представлена. Ведь Антропософия не может быть представлена как завершённое целое, как иностранное тело, навязанное Восточно-европейской культуре. Она не может ворваться как завершённый духовный комплекс, выросший в другом месте, а теперь стоящий и требующий, чтобы с ним как-то сладили.

Скорее, Антропософия должна войти в любую культуру так, чтобы все, к данной культуре принадлежащие, *участвовали в построении Антропософии, помогли ей развиваться.*

Всем народам должна быть дана возможность нового открытия Антропософии через их собственные усилия. И это возможно благодаря мощным действующим силам, работающим за спиной любой данной культуры. Они описаны в духовной культуре как Дух Народа или Архангел данного народа. И для того, чтобы поместить Антропософию прямо в культурную жизнь другого народа, нужно объединиться с этим Архангелом. Рудольф Штайнер назвал объединение с Духом Народа необходимостью *нового* присоединиться к уже *известному*. И Рудольфом Штайнером было приведено множество примеров такого присоединения. Антропософия была присоединена им к различным вещам. Очень важным присоединением было присоединение к Гёте. Рудольф Штайнер говорил, что импульс, благодаря которому творил Гете, будучи перенесенным дальше, становится духовной наукой.

Этот вдохновляющий Гёте импульс был направлен на то, чтобы уловить природу во время *процесса её становления*: в его Теории Цвета отражено развитие природы света, в его Метаморфозе

Растений отражена природа растений, в Метаморфозе Животных - природа животных; а в Фаусте прослеживается природа человеческого развития: это драма, которую вполне можно назвать “Метаморфозой Человека”. Цель этих работ Гёте заключается в том, чтобы показать, как *одна* основная сила, *одно* важное существо, проходит через различные формы. При этом индивидуальные формы, которые существо временно приобретает в метаморфозный период, это просто *фазы*, которые *говорят* о природе существа. Сила, открывающаяся в корне, в стебле, лепестке, цветке или плоде растения, она одна и основная; эта сила проходит через последовательность её появлений. Существо Фауста также проходит через различные формы сознания, раскрывающегося этапами. Стремление Гёте узнать в видимых формах проявление невидимого существа и является его импульсом, который присоединил Рудольф Штайнер.

И эта связь видна не только благодаря сиянию света, которым он осветил все работы Гёте, но и благодаря тому, что истинное отношение Гёте к природе было представлено в самом начале пути знания, в книге “*Как достигнуть познания высших миров?*”, в виде последовательных внутренних упражнений. Например, упражнение на быстрое сосредоточение внимания, через такие процессы как: прорастание растения, появление росточков, рост, цветение, увядание и умирание.

Эти процессы описаны в книге “*Как достигнуть познания высших миров?*”. На самом деле, это ощущение в душе невидимого чувства, проходящего через метаморфозные формы. Это практическое упражнение - отражение отношения души Гёте к природе.

Гёте продвигался по пути истинного знания, через различные сферы природы, доходя до внутренней встречи с импульсом Христа. В последнем акте драмы Фауста он описывает эту встречу грандиозным образом. Но, признавая импульс Христа, он не дошел до конкретного понимания импульса в исторической фигуре Христа Иисуса. Он мог оценить величие, благородство импульса Христа; вне сомнения, тайна Христа *Существа*, ставшего Человеком во плоти (живущим Человеком), имела *влияние* на его душу, но не была знанием.

Другая важная личность была в диаметрально противоположном положении к концу своей земной жизни. Владимир Сергеевич Соловьев (умер в 1900 г.) к концу своей жизни достиг глубокого знания *сущности Христа*. Он носил в душе не только живое осознание *труда Христа* Существа, то есть побуждение Христа в общем - но он понимал и саму сущность Христа. Важно подчеркнуть, что Соловьев не только почитал Христа, но он также *понимал Христа*. Он в высшей степени понимал историческую фигуру Христа, тайну *Бога-Человека*, в котором божественное и человеческое пришли к новому Соглашению. Он понимал тайну Бога-Человека, видя в ней исполнение двух прототипных космических стремлений: стремление всего тленного принять участие в делах бессмертного духа, и стремление вечного духа к полному раскрытию сущности. Воскрешение Христа - это момент Космической эволюции, когда эти два стремления, существа и духа, пришли к исполнению; так как тело стало духом, а дух стал телом. Это не значит, что сущность была “покорена” духом, и это не значит, что дух “освободился” от “уз сущности”. Но это можно назвать “примирением”, которого всегда жаждали эти две стороны. В этом “примирении” Соловьев увидел откровение вечного *Сына*. Очень важно, кратко характеризуя духовную ценность работы Соловьева, сказать то, что он обладал пониманием Сына как существа, отличного и от Отца, и от Духа. В Воскрешении видно самое совершенное откровение примирившегося Сына. Его тело, прошедшее через все возможные самоотречения и затем приданное смерти, стало откровением Воли Отца. А Дух, глубоко склонившийся в земную темноту, объединился с земной смертной судьбой.

Живое знание Соловьевым Христа было основным в его взгляде на мир. Вокруг центра были сгруппированы все другие взгляды: начиная с истории человечества, и кончая природой. Если смотреть изнутри на полную мировую концепцию Соловьева, то возникает впечатление, что центр ярко светится, он наполнен жизнью, в то время как окружающие сферы, чем дальше они удаляются от центра и чем ближе подходят к периферии, становятся все более абстрактными и слабыми. Живая, цветущая Христология находится в центре Соловьёвской мировой картины. Следя за ней, идет сфера исторических рассматриваний, которые продолжают быть охваченными светом живого знания Христа; на последнем месте находится

естественная философия, точно и осмысленно описанная, но описанная абстрактно. Конкретное, живое восприятие Соловьевым Бога-Человека, чьё *духовное* величие освещает *общее* понимание мировой истории и жизни природы, не привело его к тому, чтобы иметь равноценный конкретный и живой взгляд на природу. На естественную науку у Соловьёва оставалось познавательной силы, достаточной лишь для того, чтобы понять её через важные и многозначительные идеи. Эти идеи были абстрактными, не способные входить в конкретные подробности. Ощущение живого Христа и абстрактный взгляд на природу - так можно кратко охарактеризовать мировоззрение Соловьёва.

Это мировоззрение может быть, в какой-то степени, рассмотрено как полярное к мировоззрению *Гёте*. Так как Гёте стремился к детальному, конкретному, живому, духовному взгляду на природу. В своем сознании он мог участвовать в *процессе становления* природы, но он мог ощутить влияние Христа Существа лишь в общем. Но именно к этому незавершенному образу мира Гёте, к его природному видению, Рудольф Штайнер присоединил и завершил свою яркую картину развития человечества, благодаря которой сущность Христа становится понятной. Поэтому можно сказать, что дальнейшее развитие видения Гёте природы ведет к духовному восприятию, центром которого является познание Христа. Однако, возможно достигнуть такого же духовного видения, при присоединении не органического видения Гёте, но присоединив соловьёвское духовное познание Христа. Ведь возможно продолжить незаконченное видение природы Гёте, чтобы оно охватило духовные миры и Иисуса Христа. Так же и незаконченное духовное видение Соловьёва, может быть продолженным через восприятие духовных миров, благодаря чему становится возможным конкретное проникновение в природу. И это возможно, показав, как, присоединившись к христологическим взглядам Соловьёва, Христология безмерно обогащается, приобретая более глубокие знания о космических фактах и сущности человека. Действительно, возможно показать, как духовные силы, чьей точкой сосредоточения является Иисус Христос, космически (упорядоченно) работали через более ранние инкарнации Земли и сферы природы, окружающие нас сегодня, напоминают нам о тех более ранних условиях.

В соответствии с исторической традицией, Христианство в России стало господствовать в X веке. В то время Великий Князь Владимир правил в Киеве. Четко осознавая недостаточность старой языческой традиции и понимая то, что поток человеческой эволюции продвинулся дальше, Великий Князь решил позволить самому стремительному духовному потоку того времени влиться в его земли. Он отправил верных посланцев для того, чтобы они разузнали, какие великие движения мир мог предложить. В результате на его рассмотрение было представлено *три* духовных движения:

- Еврейская религия (Chosar),
- Арабское мусульманство,
- Греческое христианство.

Было выбрано Христианство, так как и Тора и Шария были рассмотрены как не имеющие ярко выраженной свободы, и имеющие чересчур подчиняющий себе авторитет. О Христианстве послы заявили следующее: "...Во время литургического ритуала мы ощутили этот мир как мир духа" ("...мы чувствовали себя как в Раю" - в соответствии со словами старой хроники).

Таким образом, Христианство было выбрано как результат *культового опыта*. Ни христианская мировая концепция, ни проповедь не были решающими для принятия Христианства в России, но переживание Восточной Христианской литургии, мессы. Важным моментом в переживании литургии является воздействие, которое оно оказало на участников. Это позволило им жить в эфирном теле более сознательно, чем в физическом. Литургия, на самом деле, это создание сильных воздействий на окружающее, и они могут быть переживаемы как эфирные. Получается образ эфирного воображаемого мира - *не объективного* эфирного мира вне человека, но *субъективного* эфирного мира внутри человека. *Внутренние* процессы эфирного тела охватила мощь Христа - и тогда возникла истинная сущность Восточной Христианской литургии. Это не означает *созерцание космических пространств*. Это - внутреннее

четкое ощущение сердца, оживленное тем, что действие происходит в эфирном теле, но не в закрытом, заглушенном физическом теле.

Это переживание стало решающим в таком мировом историческом событии, как обращение России в Христианство. Христианство достигло России не через убеждение людей в *истине* Христианства как мировой концепции, но через оживление дыхания христианского культа. Значение культа над мировой концепцией доминировало все девять веков его существования в России. Фактически в последнюю треть XIX века недостаточный интерес к жизни мысли характеризовал всю жизнь русской церкви; нельзя сказать, что мышление было подавлено, оно просто не культивировалось.

Поэтому путь развития Христианства в России имел совсем другое направление, нежели на Западе. России (Российскому Христианству) не пришлось биться в огромных западных боях за мировые концепции. Полная эволюция схоластики, обширные конфликты с арабской жизнью мысли. Реформации вряд ли затронули Российское Христианство. Даже разделение церквей (на “греческих раскольников” и “Римскую ересь”) не сильно повлияло на русскую жизнь мысли; так как *идеологическая* основа разделения существовала уже при формировании русской церкви. В то время, предвзятые мнения были просто приняты, как хвост кометы, вместе с культом.

Даже необходимая полемика XVII и XVIII веков вокруг агрессивных попыток воссоединить католичество, не произвела, фактически, ничего нового в жизни мысли. Русские апологеты слабо использовали готовые оружия аргументов протестантов против католичества, и католические аргументы против протестантства.

Однако жизнь Христианства в России не была ограничена лишь культом, так как бок о бок с культом существовали индивидуальные стремления - переживаемые и поощряемые людьми. Говоря в целом, то, что культ предлагал всем людям в особые, специфические времена, эти индивидуальности через свои собственные усилия пытались сделать своим постоянным обладанием. Теперь то, что было предложено культом в те специфические времена, называется “жизнью” в эфирном теле. И чтобы иметь такую жизнь в постоянном обладании, ученики старались изо всех сил в тех мистических школах, которые до конца XIX века формировались

вокруг отдельных ведущих личностей. Эти ведущие личности давали инструкции, как через упражнения может произойти пробуждение, и также продолжительное состояние бодрствования в эфирном или жизненном теле. Эти упражнения были молитвами, которые вместе с особым распорядком жизни и с другими особыми видами помощи пробуждали действие центра жизненного тела, который находился в районе сердца. Направление этого пробуждения не было таким, что сначала центр был создан в голове, а потом переместился в район гортани, для того чтобы, в конце концов, очутится в сердце. Наоборот, центр прямо *изначально* стал в сердце; и, при необходимости, в некоторых случаях, в гортани. Таким образом, развитие центра *головы* было исключено.

Поэтому, если мы рассматриваем *внутренний* аспект этого объективного факта, развитие мышления на этом пути не было в поле внимания. Существовала интенсивная тренировка чувства, ведущего к воле. Это не было поиском знания *о космосе* вне человека, но, скорее всего, стремление высокого понимания скрытой сущности *человеческой* природы. Этот путь вел не в космос, но внутрь человека.

Из выше упомянутого можно увидеть, что в России Христианство, будучи в действительности носителем импульса Христа, не могло овладеть жизнью мысли - ни в общественной жизни, ни в более узких кругах. Христианство глубоко проникло в *подсознание* людей. Однако, на более высоких уровнях сознания, оно не оказалось способным для формирования мировых концепций. Формулировки семи великих советов, в сущности, состояли из недвижимых картин мысли, которые шли по волнам Христианской жизни чувства и существовали веками. Они стояли там не как загадки, побуждая кого-нибудь к их решению, но как окончательный ответ, как откровение, делая все вопросы излишними.

Таким образом, возникло внутреннее противоречие в историческом развитии Восточно-европейской культуры: глубокая культура сердца сохранялась всё меньше и меньше с каждым веком. Росла необходимость питания из *головы*, так как дух времен, становясь все более и более выразительным, произвел такие изменения в человеке, что постепенно ведущую роль стала пытаться взять на себя “голова”. На Востоке, однако, голова смогла развить свою собственную примитивную жизнь мысли. Поэтому жизнь

мысли, которая теперь постепенно превращалась в управляющую человеком - была неадекватна.

С наступлением XVII века, у Петра-I в душе зародилось живое ощущение ситуации. Как и князь Владимир, почувствовав неадекватность старых языческих концепций, обратился в Византию, чтобы перенять оттуда Христианство, так и Петр Великий через семь веков обратился к Западу, а именно к Голландии, чтобы заимствовать оттуда культуру, *“основу”*. Поступив так, Петр открыл дверь мысли в России. Этот поток мыслей должен был заполнить пустоту, возникшую из-за одностороннего развития духовной культуры Восточной Европы. Но идеи, пришедшие в Россию таким путем, не имели отношения к предшествующим векам, к Христианской культуре сердца. Они не подходили для построения мировой концепции, которая могла бы объединить голову и сердце в одно *целое*.

Два потока продолжали свое течение параллельно, не сливаясь друг с другом - поток бессердечного разума и поток безрассудного Христианства.

Однако когда разум постепенно становился материалистическим, два потока не могли больше двигаться параллельно долгое время. Разразилась война, описанная во всей своей психологической драме в работах Достоевского. И последней стадией этой исторической драмы была крайняя форма русского большевизма.

Как шла эта борьба?

С одной стороны, всё собрано в одну кучу, что делает Христианство будто бы бессмысленным, так как тупость становится ведущей. У церкви не было ничего, чтобы противостоять потоку этого разрушительного умения, за исключением влияния её культа на сердце и того факта, что сердце чувствует пустоту и однообразие, предлагаемое материализмом большевизма. Материализм не может противостоять критике сердца, как и Христианская церковь не может противостоять критике ума. В России, с одной стороны, происходило огромное опустошение сердца, но с другой стороны, бесконечно растущая антипатия, а точнее боязнь жизни мысли. Мысль как таковая кажется растущему числу людей неподходящей для

“разыгрывания” роли в мировых концептуальных вопросах. Это рождает ужасно ошибочное равенство: мышление = материализм.

Эти два отношения поднимаются против друг друга и опровергают друг друга. Возможность примирения этих полярностей, при сегодняшней конфигурации сил России, неосуществима. Её собственных сил недостаточно, чтобы найти освобождение от напряжения, которое давит душу. Нереально, чтобы поток спиритуализма - сильный в мысли - вырос настолько, чтобы объединить в целое разум и сердце.

Так как пошел 14-й год Большеизма, нельзя говорить о возможности вырастания в России концепции, которая включила бы в себя признание намерений Христа, как однажды культ был принят как сердцепронизывающая сила. Однако мировая концепция нужна сегодня, в которой *жизнь мысли* была бы в согласии со старой сердечной природой, но эта жизнь не может быть создана в России. Сегодня она искалечена осколками борьбы антитез. Однако жизнь мысли, соответствующая вышеупомянутому требованию, существует в Центральной Европе. Это духовная наука Рудольфа Штейнера.

Будущее духовной жизни Восточной Европы зависит от того, какой ответ жизнь даст на вопрос: смогут ли люди России снова принять что-то великое извне - на этот раз, освобождение - как дважды в прошлом Россия уже принимала иностранную духовную сущность? Сможет ли Россия развить достаточно энтузиазма, чтобы принять антропософию, воспитываемую в Центральной Европе, так же, как она приняла Христианство Востока и разум Запада?

Судьба России зависит от того, примет ли она так же, как научную духовность Востока и материалистическую науку Запада, *духовную науку* Центра.

3. Миссия Восточной Европы относительно миссии Запада.

В статье под названием “Христианство в России” было высказано мнение, что для России важным фактом духовной жизни является развитие почитания того, что приходит извне. И заданием ближайшего будущего является принятие Антропософии так же, как был принят Восточный Христианский ритуал в X веке, и западное мышление - в XVIII веке.

Однако теперь возникает вопрос: если Европейский Восток должен принять то, что выросло на Западе, какое же значение это выросшее на Западе имеет для самого Запада? Другими словами, что должна дать Восточно-европейская духовная жизнь?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть картину “дать и взять” с особой стороны человеческой природы. Во внутренней жизни человека работают одновременно два полюса: тот полюс внутренней жизни, который имеет тенденцию к неподвижности, к негибкости - он, порой, доминирует. Но также может преобладать полюс, где внутренняя жизнь уже сама по себе уже движущая сила.

Формообразующее действие мысли и абсолютно бесформенная импульсивность в духовной жизни - это две полярных способности человека. Благодаря первой способности человек имеет возможность упорядоченной внутренней жизни. Он может формировать свою духовную жизнь в соответствии с определёнными намерениями. В противном случае, они просто промчатся мимо человека, не оставив следа; а здесь же способности быстро обретаются и структурируются так, что они становятся доступными внутреннему взгляду сознания. *Концепция* (мировые концепции тоже) возможна в человеческой жизни, так как человек наделён способностью формулировать.

Благодаря ещё одной способности человек является существом не только думающим, но также имеющим внутреннюю *силу* стремления. Ведь человек может считаться *состоявшимся* только тогда, когда *кроме* прочных достоверных и ясно сформулированных концепций в нем живет пылающий огонь энтузиазма, пылающая натура, которая не может быть покорена ни в какой форме. И для нас человек *велик* не только пронизательностью, но и тем количеством огня, которое способна создать его душа. Мы действительно *ограничим* себя, если станем восхищаться Джордано Бруно, рассматривая *только* его мысли. Не скрывается ли его величина в мощном пламени, которое было его благородной душой, и которое также приготовило ему путь к своей судьбе - смерти на огне. И станем ли мы считать Льва Толстого, умершего двадцать лет назад, великим только благодаря его мыслям? Эти идеи на самом деле не его (взятые, например, из Евангелия), не самое ценное в нём; но его святые и искренние поиски заставляют нас с почтением смотреть на бородатого пожилого человека из Ясной Поляны.

Без сомнения, мировая история это не только органический процесс роста, процветания, увядания и умирания мировых концепций, общин и культур; но также горения на поверхности земли в человеческих телах. Разве не часто целые народы бросаются в огонь?

Либо в разрушительный земной огонь, которому сопутствует уничтожение, восстание, революция. Или в огонь, идущий с небес, через который рождаются религии, великие идеи, новые культуры. Например, *идеи* такой исторической личности как Орлеанская Дева, девушки-крестьянки из Лоррена, могут быть поняты только через осознание, что она была охвачена небесным огнем, спустившимся на неё, и давшим иное направление историческому ходу Европейских народов.

Теперь, возвращаясь к вопросу о значении Европейского Востока относительно Европейского Запада, базируясь на вышеупомянутом, можно сказать следующее: подобно Орлеанской Деве, приобретшей мировое историческое значение не через её идеи, но через огненный *порыв* её души; также и значение России для Запада заключается не в пониманиях, идеях и др., которые могут там зародиться, но в *пылающей силе её души*. Как история Восточно-европейской культуры нам четко показывает, *какими* талантами для духовной жизни обладает Россия. Великие, новые идеи и мировые концепции зарождались не в России; в области мысли Европейский Восток создал очень мало. А жизнь мысли, развивающейся там, за некоторыми исключениями, редко отличалась от западной концепции “философского мышления”. Она двигалась не по цепочке от рассуждения к заключению, но отдельными скачками. Она афористична во всех отношениях. Между отдельными комплексами мыслей расположены черные, безрассудные пропасти. Их отношение нужно искать в глубинах подсознательного, за пределами стихии мысли. Они субъективны. В связи с этим высвечивается негативная сторона. У объективного, формального мышления Запада недостатком можно назвать то, что оно легко становится *холодным*; а у субъективного, несформированного мышления Востока, недостаток в том, что оно легко становится *воспалительным процессом*. И это вспыхнувшее лихорадочное мышление не подходит для создания обширных, последовательных мировых концепций. Подобно зарнице

в ночном небе могут появляться неожиданные, удивительные проблески и понимания, но - по сравнению с грациозными достижениями в области мысли, к примеру, немецких идеалистов, которые дали человечеству мощный поток четко очерченных, ярких идей; создавая здоровье, силу и образованного человека - это лишь неадекватные нащупывания. В них присутствует сила, но нет четкой сознательной силы формулировок. Они происходят обычно как вспышки.

Итак, мы увидели, что в прошлом продуктивное творческое значение Восточно-европейской духовной жизни не было связано со стихией *мысли*, что не позволяло зародиться мировой концепции, которая открыла бы дорогу через человечество. Творческие силы духовной жизни развивались другим образом.

Они действовали не *формообразующим*, идееформирующим путем; а стремились к тому, чтобы зажечь энтузиазм, оживить формы, усилить концепции. Христианский ритуал, войдя в Россию в X веке, стал усиленно внутренним (внутреннюю сущность которого падающая жизнь Византии не могла больше нести), также и материализм, идущий с Запада в Россию, стал внутренним. И сегодня Большевикизм - это внутренне усиленный материализм Запада. То, что для Запада было концепцией или мысленной реальностью. Русский Большевикизм - это материализм Запада, вспыхнувший для практического решения проблемы нравственной общественной человеческой жизни.

Однако, глядя на большевикизм, хочется попросить выйти вперед всех материалистов и правдиво растолковать, *почему* они не на стороне Большевикизма. Возникнет странный ответ: то, что коммунисты говорят о побудительных импульсах материалистически настроенной буржуазии - *правда*, как и истинно то, что последняя говорит о побудительных импульсах Коммунистов. Обе стороны, будучи в одинаковой степени материалистичными, признают свой собственный вид.

Величие Восточно-европейской духовной жизни всегда заключалось в том (будучи восприимчивой к *формам*), что она обладает высоким талантом огненного энтузиазма. В истории человечества этот дар соотносится с талантом формообразования так же, как в супер-человеческом космосе иерархия Духов Формы (Echusia) соотносится с иерархией Духов Движения (Dynamis). Так как

силы Форм встраивают мировые субстанции в космос, а Двигательные силы делают мировые формы внутренне подвижными. Поэтому из Восточной Европы течёт поток движения (который ослабнет в будущем) в формы Запада. Формоизменяющий Запад может быть пронизан потоком глубокой внутренней силы, идущей с Востока (это также касается жизни мысли). Это произойдет тогда, когда последний примет тип форм Запада, и благодаря этому состоится внутреннее усиление, без опасности для человеческого развития. Если Европейская духовная жизнь найдет силы вместить в себя столько же *духовных научных* пониманий, как и естественных научных пониманий; тогда она сможет предложить Востоку то, что ему нужно для пробуждения его более глубоких уровней бытия. Пробуждение может означать следующее. Есть такие, которые часто, и в какой-то мере правильно, подчеркивают *слабость воли* Восточного Европейца. Они говорят, тоже правильно, что он пассивен, ему нечему, на самом деле, противостоять, он ничего не хочет со всей силой своей сущности. Он не стремящийся, но довольный человек. Он не обладает борющейся натурой. По природе он больше страдалец, покоренный судьбе. В ответ на это широко распространенное мнение важно сказать две вещи: во-первых, мы можем допустить относительную правдивость этой точки зрения. Тогда можно задать вопрос: *почему* это так? Может быть, причина в том, что *то*, что должно быть желаемо, не появилось на горизонте? Не кроется ли слабование Восточного Европейца в том, что его воля презирает всё, предложенное до заданного момента? Не ждет ли спящая воля той *цели*, которая бы её разбудила?

Ведь можно убедить себя, имея для этого все объективные основания, что сейчас слабовольная Восточная Европа, в будущем станет “землей с огромной силой воли”, которую будут описывать и восхищаться. Придет время, когда духовные научные понимания дойдут до России (пусть путем воскрешения из мертвых), и дадут рождение новой культуре, которая относительно внутренней силы и личного сочувствия души, превысит всё, что мы привыкли считать великим. Духовная наука может разбудить спящую волю Восточной Европы, предоставив ей цели, которые привели бы её в движение.

Среди всего другого, миссией духовной науки является оплодотворение Восточной Европы, что мы и пытались показать в более ранних статьях. *Теперь* нам нужно ответить на вопрос: какое

значение имеет пробуждение Востока для Запада? Должна существовать возможность проникновения *духовной науки* в жизнь, особенно в общественную, также как и материалистическая естественная наука.

Она должна также *радикально* овладеть жизнью, как это пытается сделать материализм с сегодняшним Большеви́змом. А так как идея сначала *осознается* головой и лишь затем попадает в сердце, так и духовная наука, когда её истина станет достаточно осознанной в Европе, то она может войти в *жизнь* Восточной Европы. С другой стороны, сердце, будучи оплодотворенным мышлением, в согласии с духом, может вернуть дар снова голове, в виде богатств жизни духа. По аналогии и Запад (после выполнения своей миссии), благодаря внутренней силе, исходящей от Востока, может быть значительно обогащен. Духовная жизнь Запада, все более ослабевающая, может получить мощный поток внутреннего усиления души через описанное здесь пробуждение Востока. Через *концепции в согласии с духом* Запад может пробудить Восток. А пробужденный Восток может дать Западу *жизнь в согласии с духом*.

4. Движения против Духовной Науки на Востоке

В статье “Миссия Восточной Европы относительно миссии Запада” мы говорили об “огненном энтузиазме”, который может получить западная культура от европейского Востока, когда последний будет пробужден духовной наукой.

Но сначала нужно преодолеть сложные препятствия перед тем, как Восточная Европа сможет пробудиться с помощью духовной науки. Сильные противодействующие потоки существуют как на Западе, так и на Востоке. Цели этих потоков *далеки* от пробуждения Восточной Европы через духовную науку. Большеви́зм, который сейчас господствует в России, явно представляет собой кончики пальцев руки, протянутой *с Запада*. С помощью одного примера (есть и другие) это можно наглядно показать. В 1893 году некий м-р Гаррисон читал ряд лекций в Лондоне в “Береанском Обществе”. В этих лекциях он подробно критиковал жизненную работу Е. Блаватской и Теософское общество с точки зрения западного *окультизма*. В связи с этим он также говорил о будущем европейского Востока, заявляя: Русская империя должна умереть,

чтобы могли жить русские люди. Огромные социально-политические эксперименты могут быть проведены в России благодаря характеру русских людей; но на Западе эти эксперименты столкнутся с непреодолимыми трудностями. Эти “огромные социально-политические эксперименты”, о которых говорил Гаррисон 37 лет назад, на самом деле были проведены. В русском большевизме мы видим картину этих экспериментов, о которых на Западе *знали* за несколько десятилетий до этого. Влияние большевизма на человеческую душу заключается в том, что он стремится вырвать духовность из области сознания. Это движение, которое хочет устранить любого вида перспективы духовной науки. Оно хочет исключить из человеческого сознания духовную мировую концепцию, предпосылку к духовной науке. Это одно из противодействующих движений, внушённых с Запада.

Чтобы рассмотреть другое противодействующее движение - которое и является главным замыслом этой статьи - нужно выделить сначала несколько явлений, которые могут быть рассмотрены как предшествующие *второму* главному потоку. Эти явления являются *настроениями*, которые всё больше утверждаются в небольшевистски настроенной части Восточно-европейского общества.

Чем агрессивнее ведут себя “духовные военные” материализма, Коммунистическая Партия, тем сильнее эти настроения в душах нематериалистически настроенных людей европейского Востока. Они могут быть более или менее охарактеризованы следующими словами: “Мы глубоко поверили в Европу. Мы искренне ценили европейскую культуру. Но нас *обманули*. Вместо хлеба мы получили камни, а вместо рыбы нам предложили змей. Европа дала нам *яд*, духовный *яд* материализма. Продолжают ездить поезда, летать самолёты, гремят заводы на нашей земле - но звон Пасхальных колоколов закончился. Однако существует старая Пасха, море людей в Азии, чьи народы тихо поклоняются своим богам. Восток *неагрессивен*. Он живёт ради духовности. Поэтому мы недооценили Восток и предпочли ему агрессивный Запад, который живёт для материального. *Мы ошибались, повернувшись на века к Западу*. Пришло время произвести резкий разворот. Мы получили *материальную цивилизацию* Запада, теперь нужно повернуться к Востоку, чтобы получить от него *духовную культуру*. Жизнь вместе с Западом принесла нам

большевизм - жизнь с Востоком никогда бы такого не сделала”.

Такое разочарованное настроение относительно Запада и стремление к изменению ориентации по направлению к Востоку с каждым годом растёт и постепенно берёт верх всё в более обширных кругах, более или менее бессознательно, особенно среди людей, намеренных стремиться к будущему.

К этим настроениям могут быть отнесены два потока русской духовной жизни, которые возникли в последнее десятилетие и которые имеют основное *симптоматическое* значение:

- Евразианизм как социально-политически-религиозный поток.
- Оккультный, мистический поток, созданный художником Николаем Рерихом.

Они представляют собой два симптома, указывая на тот факт, что в русских душах сейчас присутствует сильный импульс обратиться к азиатскому Востоку.

Представители Евразианизма, в сущности, говорят следующее о своих намерениях: “Россия - не Европа и не Азия. Она - отдельная сфера культуры. Её можно рассматривать как культуру, имеющую связь в одинаковой мере и с Азиатской и с Европейской сферами. Россия по своей тенденции *Евразийская*. Сейчас Восток теократичен, а Запад - демократичен. Однако Россия не может принять демократию Запада, лишённой идей или мировых концепций; для этого она слишком “Азиатская”. Но она также не может принять полную религиозную теократию Востока; для этого она слишком “Европейская”. Она должна стать *идеократической*, она должна стать “местом мировой концепции”. И там должны править не боги, не народные массы, *а идеи*. Это была бы программа *евразийцев*. Однако, по отношению к этой программе, можно сказать две вещи:

- с одной стороны, сегодняшним представителям Евразианизма, не хватает идей, которые могли бы стать ведущими в будущей России;
- с другой стороны, настроение этой программы - это выражение следующего чувства: пришло время для нас отвернуться от Запада и повернуться к Востоку.

Описанная программа Восточно-направленного потока является неполной картиной на переходе от преобладающего Западного влияния преобладающему Восточному влиянию. Это просто демонстрация *одной ступени* новоориентированного

настроения. Резкое изменение направления не может оставаться на этой ступени; оно идёт дальше.

Движение, происходящее от известного русского художника *Николая Рериха*, может служить симптомом к “потоку вперёд”. Цель этого движения - стать каналом влияния на человечество - и в особенности на Россию - из Транс-Гималайского духовного центра. Принадлежащие к этому движению приходят в восторг от мысли, что *содержимое* Внутренней Азии может быть налито в *стакан* западной цивилизации. Они убеждены в том, что ценности, которые заменят русскую духовную культуру, разрушенную большевизмом, хранятся в Центральной Азии, и только ждут того подходящего момента, чтобы влиться в культурный “вакуум” (пустоту), в который превратилась Россия. И этот “вакуум” в русской духовной жизни, то есть отказ от традиционной Христианской духовной жизни, в этих кругах и с *этой* точки зрения, *одобряется*. Эти круги смотрят на большевиков как на бессознательных *сотрудников*. Это может являться причиной, почему Рериху недавно отказали во въезде в Индию: на основании того, что он связан с русскими коммунистами. В Движении Рериха, однако, есть небольшое очертание ясности, его целью кажется создание и распространение настроения: из Азии придёт мощный поток духовной жизни, к которому очень сильно стремятся. Ужасный вакуум, который вырос, *будет* заполнен. Посмотрите на Восток, откуда идёт истинное спасение.

Также как Евразианизм означает *уход* от Запада, подобно ему Движение Рериха означает *поворот* к Востоку. Эти два потока являются симптомами опасного настроения, которые могут побудить Россию занять следующую позицию по отношению к Европе, то есть: выплеснуть - ребёнка - с - грязной - водой - в - ванне. И через антагонистическое отношение к Европе они также оттолкнут духовную науку. С другой стороны, эти два движения являются симптомами того факта, что привлекательность Азиатской духовной жизни, несущей скрытую опасность, растёт.

Каждая культура - это определённая связь между человеком и космосом. И лишь сознательное понимание этой особой связи духа человека и духа Вселенной - из которой состоит культура - делает человека разумным *носителем* своей культуры. Сейчас существуют культуры, великие в своём понимании Вселенского духа. Другие культуры велики в своём понимании человеческого духа, то есть

личности. В общем, можно сказать: есть культуры, где *личность* находится на первом плане, а космический дух ощущается лишь как задний план личности. И есть другие культуры, где Вселенский мировой дух находится на переднем плане, а личность отступает на задний план.

У Запада картина мира смутна и недуховна, но у него присутствует понимание человеческой личности, Для жителя Запада личность ценна *как таковая*. Восток относится по-другому к личности. Там личность имеет ценность постольку, поскольку космос наделяет её содержанием, так как существенным элементом существования является вселенский мировой дух, от которого личность тоже зависит. Наполненная духом мировая картина с личностью, как частью её - вот характеристика Восточных культур.

Запад несёт внутри как своё самое дорогое сокровище *Мистерию Личности*. Тысячи лет он боролся, чтобы понять, как мировой дух стал личностью; а именно Иисус Христос. Напротив, Восток несёт своё самое дорогое сокровище - *Мистирию Космического Духа*. Тысячи лет он стремился следовать зову Гуатамы Будды, чья личность навеки перешла в Дух Космоса. Подобно тому, как плоть Космического Духа, *становясь видимой*, через тысячи веков затронула сердца западных земель; также безвозвратное, становящееся *невидимым* в человеческом духе, затрагивает сердца Востока.

Поэтому сегодня присутствуют, учитывая все аспекты, две жизненные картины:

- одухотворённая личность и находящийся на заднем плане мир, лишённый духа;
- безличный мировой дух, личность которого лишь видимость.

(статья не вся)

5. Духовная жизнь Азии

В статье “Движения против Духовной Науки на Востоке” мы отметили тонкий соблазн, который подстерегает Восточно-европейскую духовную жизнь; а именно - соблазн повернуться спиной к Европе и принять Азиатскую духовность.

Возникает вопрос: Какова же внутренняя конфигурация Азиатской духовной жизни?

Если мы хотим сосредоточиться более внимательно на внутренней конфигурации потоков, формирующих Азиатскую духовную жизнь, нам нужно проигнорировать очень много вещей. Например, мы должны проигнорировать Махомеданизм, который не присутствует в рассматриваемом вопросе. Однако, в первую очередь, рассматриваются *индийцы* и *китайцы*, а точнее огромная антитеза между этими двумя азиатскими культурами.

Индия и *Китай* - две полярности азиатской духовной жизни. Они противостоят друг другу самым большим, который можно себе вообразить, образом. Индия, на протяжении тысяч лет истории, всегда следовала завету принимать судьбу и сохранить *все* мировые потоки культуры - это обеспечивает место для них всех внутри великолепной духовной жизни страны. Китай же, напротив, был окружён стеной, в знак того, что он закрыт для всего, происходящего снаружи. Индия была открытой. Она принимала все религии (даже Христианство было уже принято в первые века нашей эры - Христианство в Индии существует не менее чем в Великобритании) и сохраняла их (первобытные религии: Брахманизм, Зороастрианизм, Буддизм, Ислам; не говоря уже о большом числе переходных религий). Однако Китай был *закрытым*. И хотя в Великой Стене были сделаны отверстия, это было лишь делом времени. До этого тот, кто врывался, был поглощён *монотонной* китайской духовной жизнью.

Основное настроение индийской духовной жизни можно выразить следующими словами: высшая мудрость Главного Существа мира открылась нам и снова по-новому провозглашена. Эта мудрость - наивысшая. Под небесным сводом этой мудрости хватит места всем пониманиям, всем культам, всем ритуалам и искусствам. Так как не важно, думаете вы или молитесь, действуете или медитируете, в конце концов, самое важное это то, что сердце человеческого существа должно быть связано с божественным. Всё в жизни может быть ориентировано к этой основной истине, относительно неё всё становится на свои места. Нет такой религии, которая была бы настолько неистинной, что она не могла бы содержать в себе чего-то из истины Главного Существа, которое освещает человеческую

природу; никакая внешняя форма религии не является настолько истинной, чтобы заключить в себе бесконечность Главного Существа.

Нечего бояться. Индия достаточно сильна в осознании всеединства, чтобы позволить всей духовности, которая существует, влиться вовнутрь. Ведь океан может вместить в себя все реки, так же и мудрость Индии всеобъемлюща - все духовные потоки мира могут быть приняты ею. Поэтому в Индии живет гордое осознание того, что она обладает синкретической культурой; то есть культурой, включающей *одновременно* все стадии прошлого, от примитивной Dravidian, включая культуру ведов, персидский зороастризм, Буддизм, греческую культуру Александра, арабскую - халифов, монгольскую, и современную цивилизацию англичан. Также, определено пространство для всех взглядов и направлений сегодняшней духовной жизни. Например, православный брахманизм одинаково признает *шесть* философских мировых концепций.

Эта характеристика индийской духовной жизни является результатом изначального импульса индийской культуры: кооперация мудрости семи лучей с семьей Ришами. Через эту кооперацию ришей в индийской душе зародилось глубокорасположенное предположение действовать без формы или специализации. При этом указано и *другое* предрасположение индийской духовной жизни; а именно, соотносящее внешний мир с майей, иллюзией. Не только вещи, ощущаемые пятью чувствами воспринимаются как иллюзия, но также и *форма* как таковая. Все особенное воспринимается как майя. Поэтому синкретизация* становится возможной, так как все особенное *не принимается* будучи майей, иллюзорным. Религии могут существовать бок о бок, так как различия, их особые качества, хотя и необходимы, но не существенны. Все особое *лишь* форма, а форма - это майя - но сущность всегда одна и та же.

Ярким примером основному характеру индийской культуры является характер, лежащий в основе китайской культуры. Китаец скажет: то, во что все люди верят, *содержимое* их взглядов, это меня не интересует - это *форма*. Взгляды людей субъективны; их же форма связывает одинаково всех, вот почему она социальная. В социальной

* Синкретизм - смешение, неорганическое слияние различных культов и религиозных систем в поздней античности (М.Ю.).

жизни форма становится *порядком*, и, в конце концов, *порядок* становится самым важным. Насколько Буддизм, Ислам и поклонение предкам соответствуют порядку, настолько их и принимают. Пока они несут порядок, они с радостью приняты; но если они нарушают порядок, то они - враги народа. Тогда они - антисоциальные, они *неистинные*.

Высшей ценностью индийской культуры является бесформенность, в то время как высшая ценность китайской культуры заключается в *форме*. Форма находится в оппозиции ко всему субъективному. В то время, как Индия развивала высшую степень субъективности внутреннего, Китай стремился к уничтожению всего субъективного. Первоначальные импульсы: *арийский* и *атлантический* в Индии и Китае противостоят друг другу.

Индийская мудрость это на самом деле *мудрость Эго*. Главное настроение индийской культуры это чувство: “Эго божественно, и его не нужно искать в земном, оно берет свое начало в божественном”. В то время как индийская мудрость - это мудрость Эго, истинное Христианство - это *реальность Эго*. Оно было сохранено для более позднего времени и для другой культуры, чтобы ощутить содержимое индийской *мудрости как реальности* в земном. Поэтому индийская мудрость это на самом деле первоначальный импульс для всей пост-Атлантической эпохи и также Христианской эволюции: импульс для *самосознающего Эго*.

В противоположность этому, Китай сохраняет основной Атлантический импульс. Там нет вопроса о развитии Эго - о развитии самосознания - это, скорее всего, акцент на воспитание группового Эго, группового порядка. Когда индеец говорит: “Знай в себе божественное начало”, китаец скажет: “Мы приобщаемся к божественному началу, работая, соблюдая порядок”. Мудрость китайцев это не “Я-мудрость”, это “Мы-мудрость”. Ее содержание обращается к “мы”, к группе; а не к “Я”, к самосознанию индивидуальности.

Можно здесь привести аргумент против того, что было сказано о форме и группе по отношению к китайской духовной жизни. Соответствует ли она могущественной манифестации потока *даосизм*, происходящего от Лао-цзу? Не является ли содержание учения Лао-цзу, как описано в его Дао Тэ цзин, *индивидуальным* мистицизмом, где мудрость одиночества воспринимает бесформенное Дао внутри? В

ответ мы можем сказать: читая *внимательно Дао тэ цзин* (что очень сложно, так как *один* перевод *на один* язык - это ограничение, поэтому мы зависим от многих переводов на различные европейские языки) мы находим, что даосизм вовсе не противоречит тому, что мы сказали выше. Ощущение Дао, как оно описано, таково, что можно сказать: *Дао* открывает себя Эго знающего не с “внутренней”, а с “внешней” стороны. Это не предмет *познания*, а путь, по которому нужно следовать. Оно не раскрывает себя как *содержание*, но как определяющее воздействие.

Диаграмма поможет понять это лучше:

Первый набросок показывает, что *Дао* соотносится с Эго - оно не соединено с ним внутренне, но побуждает его к действию и пониманию. Второй набросок показывает соотношение Эго и Брахмы в *индийском* ощущении - где Брахма вливается *внутренне* в Эго как содержание (однако, этого не происходит с полностью воплощенным Эго). На самом деле, различие между двумя великими изначальными импульсами видны на этих наброска. Изначальный импульс *Атлантиды* (“притесненное” Эго) и изначальный импульс *Азии* (“пребывающее” Эго).

Поэтому мы можем сказать, что Дао Лао-цзу воспринимается как *форма*, как сверхчувственная мировая форма, которая приносит мировой порядок в существование; и социальный порядок должен быть образцом этого мирового порядка. Поэтому книга Лао-цзу (Цзин) состоит из *двух* частей: космическая духовная (*Дао*) и человеческая социальная (*Тэ*). Это не “индивидуальный мистицизм”, как это может показаться поверхностному взгляду западного читателя, скорей всего, она содержит *политическую мудрость*, хотя и основанную по вселенскому порядку.

Но контраст между Индией и Китаем не остается без связи. Развилась третья Азиатская культура, обеспечивающая что-то вроде моста между противоположными Индией и Китаем. На высоком плато в *Тибете* выросла духовная жизнь, соединяющая духовные направления Индии и Китая. В этой духовной жизни находится *центр* всей духовной жизни Азии, с точки зрения обоих, Индии и Китая. Глубоко в Тибете есть место, где развита мудрость, которая является конечным синтезом *целостной* азиатской мудрости.

Рассматривая тибетскую духовную жизнь ближе, нужно учитывать воздействие уникальной тибетской *местности* на души людей. Пустынные плоскогорья Тибета особенно подходят для того, чтобы развить особенное свойство в человеческой душе; а именно, *огромную способность к абстракции*. Абстракция в человеческих душах процветает в этих пустынных плоскогорьях. На западе очень сложно сформировать идею этой способности к абстракциям, так как на Западе эта способность в основном ограничена сферой мысли, жизнью идей. Чувства и импульсы воли напряженно ощутимы европейцами. Сравните, например, как, с одной стороны, воспринимается страдание и радость, симпатия и антипатия, и как, с другой стороны, воспринимается понятие. Посмотрите, насколько сильнее человек вовлечен в чувство или желание, чем в “простое понятие”.

Если мы попытаемся представить духовную жизнь, где чувства и импульсы воли ощущаются одинаково, как европеец воспринимает абстрактные мысли, тогда мы можем нарисовать себе картину душевной жизни особого качества, которая процветает в Тибете. *Это способность абстракции достигать жизни чувств и воли*. Те люди, которые развели эту способность до определенной степени в себе, могут быть названы: “люди, мертвые к жизни”.

Так, Блаватская и другие тоже называли принадлежащих тибетским центрам мудрости. Эти “мертвые” люди, однако, особенно квалифицированы в объединении внутри себя мудрости Индии и Китая. Так как и синтетический дух Индии, и формосоздающий дух Китая объединены в способности к абстракции, которая была описана. С такой помощью объединение великого синкретизма с самым безличным становится возможным. В Тибете “Я-мудрость” Индии объединяется с “Мы-мудростью” Китая в “Это-мудрость”. Значение

“это” безлично, существует за границами “Я” и “Мы”, что переросло в Тибете в близкую связь с *Будущим*.

Положение Тибетской духовной жизни по отношению к Индии и Китаю можно увидеть через традиционную историю как Буддизм появился в Тибете. Когда правитель Тибета, Сонг-тзен Гам-по в 610 году решил, под влиянием своих двух жен, индийской принцессы и китайской принцессы, импортировать буддизм в Тибет, он одновременно послал послов в Индию и Китай, чтобы привести книги и учителей с тех земель. Эта история олицетворяет положение в Тибете по отношению ко всей азиатской духовной жизни, место, где индийская и китайская духовная жизнь соединяются. Но это объединение - не просто существование бок о бок, из этого объединения возникает третий элемент. Из объединения “Я-мудрости” Индии и “Мы-мудрости” Китая рождается “Это-мудрость” Тибета.

Эта конфигурация Азиатской духовной жизни является главным беспокойством Европейского общества. Так как если европейцы, особенно англичане, должны прийти к согласию с *Индийской* духовной жизнью, тогда Россия должна приходить в согласие с *Китайской* и *Тибетской* духовной жизнью. Это согласие должно быть воспринято с должной серьезностью, так как то, что сейчас приносит царящий в России коммунизм - это приготовление почвы для впитывания китайской “Мы-мудрости”. А внутри интеллигенции растет настроение, которое может побудить людей обратиться с большой надеждой к внутренним азиатским плоскогорьям.

Что же является приготовлением душ к китайской духовности коммунизмом, и как мы можем понять Восточно-европейскую духовную жизнь, приходящую в согласие с внутренней азиатской мудростью? Эти вопросы будут рассмотрены более подробно в следующей статье.

6. Китай и Восточная Европа.

Духовное направление, существующее в Китайской духовной жизни, было описано в статье под названием “Духовная жизнь Азии” как “Мы-мудрость”, в противоположность к “Я-мудрости” Индии и к “Это-мудрости” Тибета. Это описание имело целью выразить

основной характер китайской духовной жизни, а именно то, что ее природа неиндивидуальна, и она призывает к групповому осознанию.

Сравнивая основное настроение китайцев с европейским, как отметил также Владимир Соловьев, видно сразу же различие между ними. В то время как европеец в основном верит в прогресс и в то, что будущее как таковое имеет преимущество над прошлым; отношение китайца противоположно. У него есть глубоко укрепленное убеждение в том, что прошлое как таковое имеет преимущество над будущим. Китайский культурный человек чувствует, что “происхождение” всех ценностей культуры лежит в прошлом. Настоящее и будущее просто копии или копии копий оригиналов. Может быть, что-то новое может появиться через процесс копирования или даже больше может быть искажено, но факт остается фактом: то, что ценно с точки зрения культуры *уже было сотворено*, и теперь задача состоит в том, чтобы сохранить все от разрушения.

Это главное чувство, несомое китайской культурой, в соотношении со временем, объясняет (среди прочих вещей) тенденцию китайского искусства и науки сохранить образ мыслей и стиль; и ограничить творчество и новизну до совершенствования деталей. В искусстве можно лишь *выполнять*; в философии - *комментировать*; в науке - *совершенствовать детали*. Возникает детальность китайского искусства и обширная толковательная литература, в которой с Западной точки зрения разделение уже разделенных волос проделывается с удивительным успехом. Так как, где нет стремления к тому, что совершенно ново, творческая деятельность направлена на детали исполнения - и “предки”, то есть великие правители китайской духовной жизни, время от времени напоминают людям о великих *источниках*. Итак, миссия Лао-цзу в Китайской духовной жизни может быть понята: он вызывал воспоминания великих вещей, “которые знали предки”.

Для сознательного носителя китайской культуры, прогрессивно настроенный европеец кажется некультурным человеком, варваром. Так как только тот, кто не знает что же истинно ценно в культуре, хочет создать что-то “новое”. Тогда он не обладает старинным. У него нет культуры. И, воистину, внутри китайской культурной жизни, представители тех тенденций, которые находят выражение в современном китайском “республиканстве”, те, которые хотят разрушить старый порядок, считаются в действительности

некультурными. Тогда абсолютно правильно будет сказать, что Китай либо традиция, либо варварство. Различные “главы”, которые правят сегодня “землей четырех океанов”, являются представителями скорее анти-культуры, чем культуры.

Эта традиция китайской духовной жизни имеет определенный результат. Она приносит с собой уменьшение ценности индивидуальной личности. Так как самое ценное уже существует, самое значимое нужно искать в прошлом; следовательно, от личности не ожидается ничего существенного, связанного с творчеством. И по отношению к индивидуальной личности больше не задается такой вопрос: что же в этом человеке творчески нового, что могло бы через него стать достоянием человечества. Наоборот, возникает такое чувство: до какой степени этот человек является носителем того, что было сохранено? Личность не ценится как таковая, но настолько, насколько она проникнута принятыми *формами* (формами поведения, формами искусства, формами мысли и т.д.). Индивидуальная личность становится просто частью целого. Ценность этой части зависит от того, насколько полно она является представителем целого.

Приверженность к традициям и групповое сознание* являются главными характеристиками китайцев. Но очень важным фактором является то, что китайский народ по своей природе нематериалистичен. Так как ни китайская традиция, ни социальное чувство единства не ориентированы материалистически. То, что в Китае называется “образованием”, не превращает людей в материалистов - наоборот, образование и определенная духовность имеют в Китае одинаковое значение. Даже изучение иероглифов, в какой-то мере, является интенсивным упражнением духовных способностей; так как использование иероглифов требует намного больше внутренней активности, чем, например, латинский алфавит. В то время как чтение написанного слова является почти механическим

* В связи с данным предложением могут возникнуть несогласия, так как в истории Китая - особенно в недавние времена - есть множество примеров и стремлений к модернизации, особого выделения и уважения индивидуальных личностей. Писателю данных статей хорошо известно, что в Китае стремление к инновациям не просто присутствует, но также и то, что эти стремления одержали недавно решающую победу над движением Ганлина, который хотел вернуть принципы конфуцианства (этико-политического учения в Китае). Он также осознает роль, играемую индивидуальными личностями в этих событиях.

процессом, так как буквы просто соединены вместе; чтение китайского письма - это внутренний процесс, где видны в знаках не буквы, а мысли. Через китайское письмо становятся видимыми мысли, а не буквы. И чтение становится чем-то вроде медитации, попыткой, где эфирное тело так же интенсивно активно. И это сопровождающее движение эфирного тела, вот что противостоит материализму, которое само по себе является полным присоединением к физическому телу.

Эта жизнь в эфирном теле, что является существенным качеством китайской культуры, имеет следующую характеристику: человек не чувствует себя одним, но чувствует, что он часть целого. На этом базируется поклонение предкам и также китайское национальное сознание. Национальное сознание очень оживлено в Китае. Оно значительно отличается от современного европейского сознания.

Оно является поучением, в отличие от западного сознания, которое более таковым не является. Для нас сегодня очевидным является то, что политика, то есть образ действия государства, аморальна. Если, например, взять среднего англичанина, то он, в основном, приличный человек: то есть он не является ни шантажистом, ни вором. Но государство, в котором проживают миллионы таких приличных людей, ведет “опиумные” войны в Китае и англо-бурскую войну в Южной Африке. Государство, которое должно возвыситься над индивидуальностью и требовать самопожертвования для нее, с моральной точки зрения становится ниже индивидуальности. Государство в Европе не является *сверхчеловеческим*, а скорее *суб-человеческим* организмом. И этому суб-человеческому организму индивидуальность должна подчиниться.

Китайское же национальное сознание является противоположным этому. Там государство - это живое существо, которое охватывает индивидуальность не только динамически, но и морально. Оно не просто власть, но государство также обладает духовным и нравственным величием. С моральной точки зрения оно стоит над индивидуальностью.

Китаец говорит сам себе: государство не правит мной, а я сам служу ему. Я служу ему не потому, что оно более могущественно, чем я, а потому, что оно более *великое* чем я.

Поэтому я стану более совершенным в нравственном плане, если я буду принимать участие в его жизни. Ведь государство является нравственно высоким существом, выше, чем индивидуальность. Внутри государства есть грабители, но государство само по себе не может быть грабителем. Поэтому Среднее Королевство не стремилось завоевывать другие земли. Эта земля росла в духовном и нравственном плане без использования силы. Так как она “завоевывала” другие земли тогда, когда завоевывали ее. Монголы покорили королевство - следовательно Монголия стала частью королевства. Маньчжурия покорила Королевство - следовательно Маньчжурия стала частью Королевства.

“Остерегайтесь, европейцы, завоевывать нас внешними силами - ваша земля тоже может стать частью Королевства” - примерно так может быть описано чувство представителя китайской культуры по отношению к Королевству и иностранцам. Именно базируясь на этом чувстве, была написана книга “*Защита Китая от европейских идей*” (Ку-Хунг-Минг). Ку-Хунг-Минг, важный представитель высокой китайской культуры, хочет показать в своей книге то, что китайская концепция государства более духовна, чем западная. Он четко показывает током последнего предположения в монологе (что охватывает всю его книгу) следующее: “Остерегайтесь, европейцы, завоевывать нас *внешними силами* - ваша земля тоже может стать частью королевства - через *внутренние силы* нашей культуры”.

В настоящее время эта угроза особенно направлена на соседа Китая - на СССР. Так как большевизм, который там правит, глубоко проник во внутреннюю жизнь Китая. Он прорвался через Великую Стену подобно монголам и маньчжурцам. Он ворвался в Китай. Сейчас разрастается конфликт между большевизмом и китайской культурой.

С другой стороны, с Тихого океана, меркантилизм западной буржуазии ворвался в Китай, отравил его опиумом и эксплуатировал его, и продолжает это делать самым позорным образом.

И теперь Китай, хранящий старинную атлантскую традицию, стоит между двумя мирами, которые угрожают его существованию - западной коммерцией и русским большевизмом. Эти два направления являются, на самом деле, двумя *последними* последствиями материализма. Столкновение самого настоящего материализма в двойной форме с Китаем (материализм представлен самым

решительным пролетариатом? и грубейшей буржуазией) является современным событием, имеющим огромное трагическое значение для всего человечества. Подобно объединенному тезису с антитезисом - с огромным притяжением и противоречием между ними - Китай, самое древнее человечество, противостоит самому молодому человечеству в виде грубейшего материализма.

“Когда великие китайские мудрецы одержали победу в Тайтенском восстании, им оставалось решить еще две сложных проблемы. Первая была связана с работой переустройства: практическая проблема переустройства общества и административного правительства. Вторая проблема заключалась в принятии мер против наплыва европейцев с их разрушительными силами современной, крайне материалистической культуры” - пишет Ку-Хунг-Минг о настрое “великих мудрецов” второй половины прошлого столетия. Первая проблема была решена достойным подражания образом. “В их борьбе в связи со второй проблемой, то есть проблемой, как противостоять разрушительным силам современной европейской цивилизации, китайские мудрецы, напротив, потерпели полный провал. Они были беспомощны в противодействии разрушительным силам современной материалистической европейской цивилизации”. Ку-Хунг-Минг находит причину этого провала в незнании китайскими мудрецами европейцев. В своей же судьбе он удачно решил эту проблему, приняв западную духовную жизнь, сохраняя при этом китайский дух. Он говорит ото всего сердца: “Я принял европейскую жизнь в мою душу - но, посмотрите, китаец во мне - победитель! Подобно тому, как борьба *внутри меня* между Китаем и Европой закончилась победой первого, также может борьба человечества в мире - между Китаем и Западом - привести к победе Китая”.

Вот решение европейско-китайской проблемы с китайской точки зрения. И нужно принять следующее: Европа *без* духовной науки, открытой (созданной) Рудольфом Штайнером, *в духовном плане* также мало подходит Китаю, как и китайская техническая цивилизация подходит Европе.

Без оплодотворения европейской культуры духовной наукой решение Ку-Хунг-Минга станет решением Европейско-Китайской проблемы. Тогда китайцы будут ездить по европейским железным

дорогам, а мышление европейцев пойдет по “пути” китайского мышления.

Конфликт, описанный выше, особенно касается волны европейской буржуазной идеологии, проникающей в Китай со стороны Тихого океана. Однако, учитывая тот факт, что Ку-Хунг-Минг написал вышеупомянутую книгу, в данной ситуации произошло значительное изменение. Со стороны Запада волна русского большевизма подошла прямо к границам Китая и частично проникла внутрь. Для китайских мудрецов возникла новая задача: борьба между китайской *социальной* точкой зрения на жизнь и русским материалистическим социализмом.

Что же тогда уравнивает силы двух сторон этого конфликта? Каковы перспективы у этой культурной борьбы в будущем?

Коммунизм в России стремится к коллективизации всех сфер жизни. Его цель заключается в организации все сфер жизни таким образом, чтобы создать механически соглашающееся и контролируемое целое. Чтобы этого достичь, люди должны быть соответственно перевоспитаны. Они должны быть воспитаны так, чтобы все склонности к индивидуализму исчезли, и чтобы в массовых движениях люди научились “идти в ногу”. Должно быть развито такое чувство, что человек существует и живет внутри организаций. “Я-сознание” должно уступить место “мы-сознанию” и вся жизнь должна быть организована в соответствии с “мы-сознанием”.

Очень важен тот факт, что материалистическое “мы-сознание” коммунизма сталкивается со старой атлантской “мы-мудростью” Китая. Особенностью этой встречи является то, что коммунизм стремится взять на себя роль учителя, “спасителя”. Подобно тому, как мало русский коммунизм может сказать нового Западной Европе о мировых концепциях, также мало нового он может сказать Восточной Азии о социальной сфере. Так как Запад намного впереди большевизма в материалистической теории, Китай впереди него в социальной *практике*. Вместить всю жизнь в организации и научить людей быть “людьми организации” - этот идеал большевизма был задолго до него осуществлен в Китае. Например, доктор Мак Гоуан утверждает следующее о широких массах китайского народа: “Если поместить самых бедных и самых необразованных людей из этого народа на необитаемый островок в океане, они соберутся вместе и

создадут политическую организацию настолько же быстро, насколько те люди, которые провели всю свою жизнь под защитой разумной демократии”. Китаец - прирожденный “человек организации” - он обладает чувством коллективного труда и коллективного действия на уровне, который можно действительно считать идеальным для русского коммунизма. На самом деле, даже экономическая форма коммунизма принадлежит, в какой-то степени, китайскому прошлому. Китай уже прошел через нечто подобное коммунизму. Во время правления императора Шен-цзуна (1068-1085), великого мудреца, Ван-Чжень, призывая “предков”, осуществил нечто вроде коммунизма, который, однако, исчез после смерти императора.

Русский коммунизм показывает китайцу рассеянный образ его состояния души: органическое чувство “принадлежности к другим” выявляется теперь в форме механического коллективизма; рассмотрение государства как нравственного существа приводит к тому, что оно становится классовым государством; идеалом преданности становится партийная диктатура; поклонение предкам становится классовым сознанием. Но, с другой стороны, в большевизме китаец сталкивается с материалистическим *искажением* его идеологии, также и русский, воспитанный на большевизме, сталкивается с духовным *прототипом* своей идеологии в китайской жизни. В предыдущей статье мы рассматривали влияние большевизма на человеческую душу, который сначала показывает себя как возвышение “мы-сознание” над “я-сознанием”, и затем возникает рост стремления к *более духовному* образу жизни, чем тот, который дает поверхностный марксизм. Теперь, глядя на вышенаписанное, мы видим как большевизм готовит подходящие условия для вливания китайской идеологии - атлантской “мы-мудрости” - в Восточную Европу. Большевизм создает стремление к *коллективной духовности*. Это и есть та самая коллективная духовность, которая зародилась в далеком прошлом и была пронесена Китаем через века.

7. Монголизм и Восточная Европа.

В предыдущей статье, рассматривая китайцев по отношению к современной Восточной Европе, была сделана попытка показать, насколько сегодняшние условия в России благоприятствуют для влияния китайского образа жизни на духовную жизнь Восточной

Европы. Чтобы понять, какую роль это влияние может сыграть, беря во внимание целостный период исторической эволюции Восточной Европы, очень важно еще раз обратить наше внимание на прошлое Восточной Европы и перенести наше внимание с ее *нового вида* на взаимодействие сил в историческом развитии. Мы рассматривали прошлое Восточной Европы как, с одной стороны, истории Христианства (см. “Христианство в России”). Однако Христианство, пришедшее в Россию из Византии, не является единственным, что имеет фундаментальное значение для истории Восточной Европы. Потоки викингов с северо-запада имели такое же важное значение для ее развития. Так как викинги пришли в Россию в IX веке нашей эры и стали там правящим классом до тех пор, пока - через смешение крови - они не стали частью славян. Что же может означать этот факт?

Легенды традиций описывают это событие так: славянские племена жили разбросано на неизмеримых пространствах Восточной Европы. Они жили разбросано, так как не было ничего такого, что могло бы их объединить. Поэтому старейшины собрали совет и отправили гонцов к викингам: “Приходите к нам и правьте у нас. Земля наша обширна и богата, но в ней нет той силы, которая могла бы внутренне объединить ее”. Вот примерно такой была суть послания. И викинги пришли и стали руководителями славян.

Это сказание открывает суть того, что же произошло во времена иммиграции викингов в Россию. Славянская духовная жизнь была широка и полна, это правда, но ей не хватало внутренней опоры, душевной основы. Славянская душа была большой и утонченной, но она была под угрозой быть далеко снесенной без связующей силы мощного *Эго-импульса* викинга с противоположного полюса. И внутренний смысл послания, отправленного князьям викингов, в соответствии с цитированием старой лексики, заключался в следующем: “Приходите к нам и правьте нами, так как наша земля широка и богата, но в ней нет порядка”. В действительности, трудно даже представить себе, что славяне жаловались на обладание слишком большой территории земли и богатств и звали иностранцев, чтобы те “устанавливали порядок”.

От смешения славян и викингов образовался русский *народ* (“Руотс” означает на финском языке “швед”). Этот народ получил византийское Христианство. Так выросла русская *культура* в такой же форме, какую она приняла во время первого исторического периода

Русской истории, времен Киева. В этот период четко проявлялось влияние импульса викингов. Это был импульс самоутверждения в физическом мире, импульс твердого осознания себя в земной сфере. Такой характеристики не хватало славянам IX века (*перед* иммиграцией викингов); но в XIII веке (*после* иммиграции викингов) развитие приняло однобокий характер. К концу XII века Великое Княжество Киевское распалось на небольшие территории со своими независимыми правителями, которые постоянно ссорились между собой. Эта крайность “партикуляризма” (исключительной приверженности) постепенно увеличивалась, подобно гипертрофии импульса викингов. И пока эта исключительная мощь разделенного партикуляризма управляла высшими классами и грозила задать направление развития всей Восточной Европе, совсем не в соответствии с миссией русского народа, случилось нечто необыкновенное. Ужасной антитезой этому партикуляризму выступило появление у границ городов империи *монгольских орд*.

Старые летописи показывают нам картину чувств, пробужденных с появлением орды. Как ужасная сила природы, похожая на облако саранчи, они внушали неземной ужас. Ужас состоял в их *единстве* и *единообразии*. Сотни тысяч наездников на низких лошадях, все одинаково вооруженные, за ними цепочка повозок, на которых они везли свое имущество; все воодушевленные *одним* непонятным энтузиазмом, все ведомые *одним* неразборчивым стремлением, но, в то же время, все в строжайшем порядке, как будто высшая сила организации проявлялась в них всех - таков был великий облик “орды”. Но за этим внешним обликом была сила, которой более не было у русских. Это была сила *группового сознания*, которая приняла агрессивную форму. Это была сила, которая в то же время называлась “ордой”. Слово “орда” - это ни армия, или народ, ни место, а “собранное и подвижное множество, ведомое групповым сознанием”. Примерно так можно описать содержание данного названия.

В первой половине XIII века произошло столкновение между особым индивидуализмом русских и “ордой” - сильнейшим групповым импульсом монголов. И через существование этих двух отношений разума на протяжении веков зародилась московская империя царей как результат индивидуализма притупленного влиянием монголизма.

Итак, мы видим, что история России походит на качание маятника от одного импульса к другому, которые вливались снаружи: *индивидуализм*, пришедший с севера в виде импульса викингов, и *групповая природа*, которая ворвалась в виде монгольского импульса с юга. Именно маятник и является одной из истинных причин появления амплитуды между Москвой и Новгородом продлившейся до XVI века. Так как на северо-востоке России, где влияние монголизма было слабым, сохранился старейший “дух викингов”, Новгород был *республикой*, которая гарантировала в своей конституции высшую степень свободы *индивидуальной личности*. Это была свободная демократическая община, которая, будучи членом Ганзы (торгового и политического союза северогерманских городов), открыла большие регионы северной России для торговли. Живая торговля с Западом зародилась в Новгороде.

В полярной оппозиции этому дому импульсов личности находилась могущественная Москва, объединяющая групповой импульс монголизма с византийской идеологией правления. В этой борьбе (между Москвой и Новгородом), которая закончилась к концу XVI века, Москва одержала победу. Однако спустя некоторое время маятник жизни изменил свое направление. Его качание начало отклоняться в сторону “викингов”. И то время, когда произошло изменение направления, называется в истории “смутным временем” (конец XVI и начало XVII веков). Это было время, когда Годунов (татарин), представляющий собой монголизм боролся против Лже-Дмитрия, представляющего индивидуалистические тенденции. Эта борьба была не просто борьбой личностей, скорее это была борьба сил, действующих через соответствующих личностей. Лже-Дмитрий, пришедший с Запада, был для людей тем, кто принес Свободу, оживляя культуру личности в борьбе против группового сознания Бориса Годунова.

Качание маятника в сторону “викингов” (то есть земного импульса личности) привело в то время (в начале XVIII века) к реформам Петра Великого и основанию Петербурга. Петербург как новая столица империи был местом, где должна была воспитаться культура личности Запада. С одной стороны, Петербург должен был стать новым Новгородом; с другой стороны, пронести византийскую идеологию Москвы. Московские правители, особенно Иван Грозный, стремились к объединению монголизма и византийской идеологии

правления, зарожженной императором Юстинианом; также и петербургские правители, начиная с Петра-I, стремились к объединению идеологии викингов и византийской идеологии. Но идеология викингов пошла своим путем и все сильнее противоречила византизму. Это противоречие достигло своего пика во время революций в России (1905 и февральская 1917). Вторая революция обозначила явную победу индивидуализма и Лже-Дмитрий, представляющий теперь псевдо-индивидуализм в лице Керенского, взошел на трон.

Настроения, преобладающие в России во время первых месяцев после февральской революции (1917) могут быть названы “опьяненным индивидуализмом”. На самом деле, это было время, когда после свержения царя каждый чувствовал себя царем. Но у этого сумасшедшего индивидуализма был трагический конец. В ночь на 25 октября (по старому календарю Юлиана) темная машина большевизма ударила по России, пьяной от свободы. С огромной скоростью большевизм завладел всеми сферами жизни.

После сумасшедшего индивидуализма появилась противоположная крайность: групповое сумасшествие - коммунизм. Маятник отклонился в противоположную сторону - по направлению к монголианизму. И хотя большевизм стремился воплотить в жизнь западные марксистские теории, он вызвал на поверхность России нечто вроде монгольской “орды”, которая жила в глубинах подсознания. Как и в более ранние времена, массы зловещих наездников появились перед воротами городов на низких лошадях, все *одинаково* вооруженные, почти без вещей, все воодушевленные *одним* стремлением, ведомые *одним* побуждением; также появились массовые колонны Коммунистической Рабочей партии, партии, где нет точек зрения, нет индивидуальных надежд, нет особых вкусов, где все и в моральном, и в физическом плане в ногу.

И подобно тому, как в давние времена люди из степей, полные ненависти, нападали на города и атаковали стены (стены, это то, что позволяло вести уединенную внутреннюю жизнь в пределах города) - теперь же началось ужасное демонстрирование организованной ненависти масс людей к индивидуальностям. Бесчисленное число интеллигенции было казнено за нарушение высшей заповеди, которая гласит: “У вас не будет своей собственной внутренней жизни”.

Ненависть к внутренней жизни, к личности является центральным нервом большевистского ужаса. И наоборот, Французская революция искала пути избавления от “тиранов”, то есть тех, кто подавлял личность. Сейчас самым *большим* грехом против основного принципа советской культуры является *размышление*, проводимое в уединении. И вся жизнь в Советском Союзе устроена так, что по своей форме, содержанию, ритму она насколько возможно противостоит размышлению. Все делается для того, чтобы человек не дошел до познания себя. Он должен постоянно - даже во время сна - быть ведомым волнами внушений, идущих из центра. И эти волны внушений поистине могущественны. В ежедневном потоке серых газет одна и та же вещь повторяется в сотнях различий каждый день *годами*; кино гипнотизирует недумавшую аудиторию, повторяя *одно и то же* в бесконечных вариантах годами; ежедневные радиовещания; выступления в клубах; решения массовых встреч; массовые прокламации с лозунгами на улицах; афиши на стенах; театр; литература - все это способствовало направлению мощного потока внушения в индивидуальную душу. И этот поток через письмо, крики, разговоры, через массовые прокламации заявлял: “У вас не будет собственной внутренней жизни”.

Это не является просто аналогией, это на самом деле *истинно*. И мы вынуждены сказать об этом; средства и принципы гипноза и внушения сознательно используются над миллионами людей в Советском Союзе. Существуют государства, где власть базируется на доверии, авторитете, религии и др. - в настоящее время можно говорить о государстве, где власть управления базируется на *гипнозе и внушении*.

Этот поток внушения влияет на подсознание. Он вызывает дух монголов. И монгольское лицо Ленина, фотография которого помещена практически на каждом здании и заменила собой икону, является открытием во плоти сил, представленных большевизмом.

Естественно, что маятник истории когда-нибудь снова вернется назад, в этом не может быть сомнений; то есть времена индивидуализма придут в Россию - времена “когда Россия будет состоять из маленьких государств, во главе которых будут поэты и философы” - но эти времена могут быть очень и очень отдалены, если случится следующее: современный монголианизм в России материалистичен и, на самом деле, он все еще варварский, но это не

может долго продолжаться. Он должен создать культуру: то есть новое образование, новый вид религии, философии, искусства. Так как русская народная душа не может постоянно жить лишь отбросах Западной цивилизации. Внутри должен войти духовный импульс. Возможно, что индивидуальная духовность Китая сможет найти близкую по духу почву в неиндивидуальной России. Однако это задержало бы развитие на долгое время. Так как может возникнуть определенная удовлетворенность, если установится баланс между материализмом и спиритуализмом на неиндивидуальных началах. И эта удовлетворенность означила бы застой в развитии. Именно этот застой имелся в виду в статье “Китай и Восточная Европа”, где мы показали, что китайская духовная жизнь представляет *опасность* для Восточно-европейской духовной жизни.

8. Финский импульс в Русской Духовной жизни.

Ряд статей, дающих представление о структуре сил духовной жизни Восточной Европы, должен быть продолжен (так как любая точка зрения по необходимости является односторонней) - различными видами рассмотрения для того, чтобы создать баланс. При каждом представлении всегда остается что-то неважное с точки зрения данного представления, но это может иметь очень большое значение при рассмотрении других сторон. При рассмотрении Христианства в России, монголианизма, импульсов викингов был упущен вопрос, о значении финнов, финского импульса для духовной жизни Восточной Европы.

В соответствии с фактом исторического исследования большая часть сегодняшней европейской России, включая территорию вокруг Москвы, была в девятом и десятом веках заселена финскими племенами. Этот район был постепенно колонизирован славянскими иммигрантами, приходящими с юго-запада; и эти иммигранты перемешивались с финнами. Из этого слияния возник большой русский народ, который сейчас превосходит маленьких русских и белых русских. Этот внешний факт - поглощение финских племен славянизмом - ставит вопрос о *более глубоком* значении финского влияния на растущую культуру Восточной Европы.

Когда в IX веке произошла миграция викингов в Россию, одновременно возросло появление славян на финских территориях. Иммиграция Викингов имела очень важное значение, так как с ней в славянскую природу вошел импульс ЭГО. Славяне естественным образом развили невероятную широту душевной жизни, но им не хватало мощи внутренней сплоченности; и эта мощь вошла в славянскую душу через импульс викингов.

Кроме невероятной широты душевной жизни, у славянской души была еще другая особенность, которую примерно можно описать через слово “субъективность”. Несмотря на всю широту души, она отражала лишь *себя* в пространстве. Она не выходила за рамки себя.

Эта субъективность славянской души, которая особенно ярко проявляется в польских основах, придает, с одной стороны, каждому выражению такой души оттенок теплоты, участия, но, с другой стороны, приносит опасность затуманенного видения реальности внешнего мира. Такая субъективность имеет тенденцию окружать душу чем-то вроде душевного тумана, который похож на постоянную интоксикацию души. Симпатия и антипатия, радость и боль живут в славянской душе в самых утонченных оттенках; величественные мелодии душевной музыки могут найти свое выражение через такую душу. Такая душа глубока и широка. Она способна подняться до высот красоты и доброты и упасть до самой жалкой и гнусной порочности; она способна прощать и любить без меры, но также быть охваченной демоном ненависти.

И опасность, подстерегающая такую душу, заключается в том, что она может соблазнить сама себя - уступить бессознательному желанию предпочитать свои собственные богатства действительности, находящейся *за пределами* души. Тогда она может очутиться в чем-то вроде *заключения* - в тюрьме у самой себя. Такое заключение чрезвычайно опасно, так как душа, заключившая сама себя, вряд ли способна осознать свое положение. Что бы стать сознательным, необходимо объективное ощущение самого себя - и это возможно.

Такая субъективность может стать большой опасностью, если к ней присоединится индивидуалистический импульс независимости. ЭГО-импульс в сочетании с субъективностью, описанной раньше, превращается в нечто вроде хаотического тумана, который стал

симптоматически видимым, к примеру, в смутные времена (1598-1612) или в керенское время русской революции 1917 года.

Но также субъективность могла бы перейти в большее, чем просто опасность - каковой она является сейчас - она могла бы стать той мощью, которая подобно природной силе подавила бы души русских людей, не появившись другая, противостоящая ей сила. И этой другой силой, которая влилась в русский славянизм и противостояла описанной субъективности, был *финский* импульс, который объединился со славянизмом в создании великого русского народа.

Финские племена, населявшие около 1000 лет назад большую часть сегодняшней европейской России, развили жизнь души, которая очень резко отличалась от душевной жизни славян, для которых она казалась загадкой. Древние финны казались славянам “странными” людьми; что отражается в старославянском обращении к финнам - “чуды”. У слова “чуды” такой же корень как у “чудо” и “чудак”. Это слово означало нечто странное, непонятное; и отношение славян с древними финнами соответствовало этому. Финны рассматривались как маги, как знатоки тайных воздействий человеческих внутренних сил, а именно, на внешние силы природы. Славянин смотрел на финна и говорил себе: “У этого человека иная связь с внешним миром, чем у меня. То, что он ощущает *внутри себя*, также имеет значение для внешнего мира. Его *внутренняя сила* имеет *объективное* значение, а моя внутренняя сила не проникает из меня в мир. Он - волшебник”.

Объективность, основная особенность финской души, кажется субъективному славянину чем-то неестественным, выходящим за пределы человеческой природы. Поэтому-то он и называл народ, обладающий этой особой объективностью - “чуды”.

Такое имя было в большем счете оправдано, так как объективность финнов не была лишь качеством, известным нам сегодня, скажем, в области науки. Сегодня мы понимаем под объективностью, лишь половину того, что под этим понятием имеется в виду. А именно, позволить фактам мира говорить больше, чем человеческой душе. Но душа человека не является лишь *воспринимающим* существом, она также должна вмешиваться через *действие* в мировой процесс. И подобно тому, как существует объективность восприятия, также существует *объективность действия*. Также как в объективном восприятии человек позволяет фактам внешнего мира говорить в душе, так и объективном действии

он позволяет душе “высказывать” миру *нечто вроде “факта”*. В первом случае человек позволяет внешнему миру отражаться в душе. Во втором случае человек позволяет душе входить в мир в виде *мощи внешнего мира*. И это вхождение души в мир *объективным* путем было главной способностью финской души, подобно тому, как вхождение души в мир *субъективным* путем было главной особенностью славянской души.

Упомянутая раньше “объективность действия” древнего финна выражалась через произносимое или спетое *слово*. Слово имеет значение и мощь, которую трудно себе представить, не приняв сегодня (1931) участие в той культуре слова, которая воспитывается в Гетеануме в Дорнахе. Так как эта мощь исходила не от знания того, что было сказано, то есть их душевного начала; а от ощущения *участия при разговоре* сверхчеловеческих сил. Древний финн ощущал следующее: моя речь - это сосуд, в который льется мощь богов. Это чувство заложено в основе эпоса северных финнов - *Калевала*. Калевалу можно постичь, принимая во внимание не только содержание, но и *форму* - продукт культуры, у которого не было мощи построить храмы и каменные города, но все же через ритмы и звуки речи сохранился памятник увядающей мощи слова.

Славяне тоже обладали большой связью с произносимым словом. Но эта связь была противоположной финской. Славянский язык был в каждом своем звуке наполнен душой, полностью проникнут душевной внутренней силой. Это был *внутренний* язык, который в своих звуках выражался *физически*, но *внутреннее воздействие* было направлено *внутрь*, то есть к самой говорящей душе.

Можно сказать следующее: финн выпускал природные силы при разговоре, славянин же всасывал внешний мир, когда он говорил. И поэтому оправданно можно говорить о славянах в данной связи как о людях на детском уровне. Говоря таким образом, когда душа всасывает внешний мир (а так и было) - это, на самом деле, *детская речь*. Без труда можно увидеть, что славяне во время слияния с финнами были на детском уровне развития.

Однако сложно определить, на каком уровне развития тогда были финны; так как финские народы имели, с одной стороны, так называемую “примитивную культуру”, а, с другой стороны, их внутреннее душевное состояние было очень зрелым. И

“объективность” как основное качество финского народа является сама по себе тем качеством, которое принадлежит продвинутому возрасту, по сравнению с жизненными этапами человеческого существа. Подобно тому, как “детскость” славян раскрылась через “сосущую” субъективность души, также зрелость (даже старый возраст) финнов открылась через способность души выходить наружу из себя и действовать духовно в *объективности*.

Чтобы обозначить связь финского народа со славянами, можно сказать: в исторической встрече славян и финнов мы имеем встречу маленького “внука” с его старым “дедом”. Умирующие финны, поощряющие воспоминания о далеком прошлом, и молодые славяне, живущие полностью мечтами о будущем; они встретились вместе на обширных территориях Восточной Европы. И эта встреча отличается от большинства встреч народов в европейской истории, так как это была *мирная* встреча. Славяне, действительно, вели войны: с греками, озарами, печенегами, татарами, и т. д. Но, однако, “финских войн” не существует в истории древней России. Незаметный ветер *любви* веет над историей увядающих двух третьих финского народа в славянский народ. Это похоже на диалог между Архангелами двух народов: молодого славянского и старого финского. Через мирное смешение двух народов было посеяно семя объективности среди славян, которое могло бы уравновесить их субъективность. Так сработала сверхчеловеческая мудрость мира, за тысячи лет, чтобы приготовить основу к созданию будущей культуры, культуры в Восточной Европе.

Влияние Византии, викингов, монголов и финнов, как уже было показано в ряде статей, соединились вместе, чтобы приготовить будущее для Восточной Европы. Но после того как были изображены все эти *влияния* в таком широком масштабе, возник вопрос: “В чем же заключается основа русской сущности, не беря во внимание все внешние влияния? Какую роль играют сами русские во взаимодействии различных сил, которые формируют историю Восточной Европы?” В центре всех этих внешних происшествий находится русская народная душа, которая до сих пор, однако, спит. Она еще не смогла открыть свою сущность в сфере внешних исторических происшествий. Она спит, она мечтает - пророческие мечты будущего. И эти мечты могут быть *объяснены*, так как они содержат семена для будущей миссии Восточно-европейской культуры. И такой “пророческой мечтой” русской народной души

является *Сказание Святого Города Китежа*. В этом Сказании раскрываются глубочайшие силы судьбы русской народной души. Там показан идеал - идеал, который действует на самых глубоких подсознательных уровнях такой души, как прототип шестой пост-атлантической культурной эпохи.

Этот прототип, как он показан в *Сказании Святого Города Китежа*, будет нашим следующим предметом рассмотрения.

9. Сказание о Святом Граде Китеже как откровение важных сил Русской Народной души.

Рассматривая культуру народа, очень важно отличать “ЭГО-оболочку” от истинного Эго, так как индивидуальность народа окружена влияниями - оболочками других народов; однако эти влияния настолько велики, что они кажутся особенностями самого данного народа. Например, в России думают о немце как о прототипе филистера. У русских преобладает тенденция видеть в немце человека, выполняющего обыденные вещи с педантичной точностью. Например, они могут представить его получающим докторскую степень для того, чтобы составить *предисловие к Описаниям Компендиума по истории Люксембурга* (карманное издание, 7 томов). Такое представление, нужно заметить, является ошибочным. Хотя в жизни немецкой культуры и присутствуют элементы филистерства, сущность немца раскрывается не в виде филистера, а скорее, в борьбе против него.

Немецкая сущность является, на самом деле, той силой в Западной культуре, которая *преодолевает* филистерство. А все, кто пренебрегают этим “преодолением” и видят лишь сырье, которое нужно переработать, у того создается ложное представление о немецкой душе. Филистерство в немецкой духовной жизни не относится к ее истинной сущности; оно относится к ее “сущности-оболочке”. Оно происходит от латинского духа и влилось в немецкую духовную жизнь извне. Поэтому когда кто-то хочет понять сущность немца, он не должен искать ее в продолжении латинизма, но скорее в преодолении его. Не Вагнер (педантичный ученый, изображенный Гете в Фаусте) является представителем немецкого характера, а

личность Фауста. Так как Фауст, хотя и наделенный *оболочкой* Вагнеровской стихии в своих способностях Доктора как обладателя знаний четырех областей наук, на самом деле он является тем, кто преодолевает эту стихию. Филистерство соотносится с немецкой сущностью так же, как Вагнер соотносится с Фаустом в драме “Фауст”. И если кто-то хочет узнать немецкую сущность в ее глубочайших проявлениях, то это лучше делать через изучение Фауста, чем обучаясь в немецких университетах. Драма “Фауст”, созданная на основе народной легенды, открывает через своих героев силы, которые являются предназначением души Центральной Европы. Легенда доктора Фауста - это пророческий сон центральной европейской души, это выражение глубоких сил ее сущности.

Подобным пророческим сном Восточно-европейской души, открывающим силы ее глубочайшей сущности, является *Сказание о Святом Граде Китеже*. Подобно тому, как драма “Фауст” открывает сущность немецкого народного духа, как и драма *Китеж* (текст Бельский, опера Р.-Корсакова) открывает сущность, истинную сущность, русской народной души. Все, что известно сегодня как “русская культура”, во многом является “сущностью-оболочкой” руссинизма, который состоит из влияний импульсов Византии, импульсов викингов, татар, финнов. Ее истинная сущность скрыта за этой оболочкой. Окруженная этой оболочкой, она спит. Но во время сна она мечтает. И сон спящей русской народной души и является народным сказанием о невидимом граде Китеже, созданным в XIII веке.

Основные особенности *Сказания о Святом Граде Китеже* следующие.

Старый князь Юрий построил два города в лесах Мурома. Один был расположен более снаружи, на Волге, и назывался - “Малый Китеж”, а тот, что был расположен посреди леса - “Большой Китеж”. Люди малого Китежа отличались гостеприимством. Они любезно принимали всех незнакомцев.

В своей способности принимать людей они были великими. Но однажды появилась сила, которую они не могли принять: татарская орда. Татары разрушили малый Китеж. Но они не знали пути к большому Китежу. Среди жителей малого города был человек -

Гриша Кутерема (что означает беспорядочный), который выдал дорогу во внутренний Китеж. Он объявил в предательстве по-детски невинную служанку Февронью, невесту наследника престола, молодого князя Всеволода. Однако когда татары достигли города, лежащего на лесном озере Светлый Яр, случилось чудо. Молитвы и кровавые слезы всех жителей города были услышаны Божьей Матерью. Город со всеми его жителями стал невидимым. Он поднялся в высокие небеса или, по другой версии, потонул в глубинах Светлого Яра. Татары бежали в ужасе. Предатель сошел с ума. А служанку Февронью привели в невидимый город.

Она получила эту возможность через НЕЗАСЛУЖЕННЫЕ СТРАДАНИЯ (заточение, клевету, смертельный голод в лесу).

Что же открывает это сказание? В глубинах русской народной души живет образ *города, то есть общины*. Воплощением сущности идеала не образ героя, но образ *социальной общины*. Сказание описывает *город* - судьбу общины, - которому угрожает противоположный образ - монгольская "орда". Путь и цели *индивидуального стремления*, проблема индивидуального направления не находят себе места в сердце сказания. И служанка Февронья тоже не имеет индивидуального пути, у нее нет цели, к которой бы она стремилась. Она не значима тем, что она делает, но она имеет значение в сказании через то, *что с ней происходит*. Ее *судьба* - вот что важно в связи с ней. И эта судьба неиндивидуальна. Она представлена как страдание за людей вообще, за город. Это страдание лично незаглушено и не имеет причины; то есть у него нет причины в *прошлом*. Это страдание ради будущего - будущего людей вообще.

Здесь раскрывается глубокая особенность истинной русской сущности: ее особое отношение к страданию, которое отличается от европейского. В Европе существует тенденция отвергать страдание - рассматривать его как что-то, возникшее *как следствие ошибки* - в России же, особенно среди простого народа, страдание рассматривается как что-то, способное привести к триумфу в будущем. То есть страдание является не просто платой за грехи, но и божественной привилегией. Страдание уважается; в глубине души человек говорит ему - *да*. Каждый страдалец - пусть он даже и заслужил эту боль и несет ее в наказание, - тем не менее, уважаем.

Даже у преступника всегда кроме заслуженного страдания присутствует элемент незаслуженного. *Каждое страдание несет в себе незаслуженный элемент.* И это незаслуженное страдание является страданием за всех. Каждое незаслуженное страдание - это подготовка будущего для всего человечества. Так же как Христос через незаслуженное страдание подготовил будущее миру, также и любой крестьянин делает нечто подобное, когда он страдает.

Страдание, укоренившееся в глубинах истинного русского существа, не исчерпывает себя лишь этой стороной значения для индивидуального ЭГО. Так как сущность страдания, как она понимается русским народом, не исчерпывается, когда человек страдает из-за своего ЭГО; то есть испытывает влияние ошибок своего ЭГО: либо для обучения, либо для восстановления баланса. В каждом страдании над ЭГО парит сверх-индивидуальная сила. И эта сила, порхающая над ЭГО, придает страданию значение “гуманного”. Корень страдания нужно искать не только в ЭГО, но также в *приносящем боль деянии милосердия*, льющегося сверху вниз; страдание не просто “закон”, но также “милосердие”. Оно не только выражение деяний ЭГО, но также выражение живущего доминиона *духовной сущности*, Святого Духа человека. И картина восхождения города Китежа, которое произошло благодаря незаслуженным страданиям всех за всех, является идеалом духовной сущности, сжигающей глубины русской народной души.

В драме “Фауст” эта проблема рассматривается совсем по-другому. Там центром сказания является вопрос стремления отдельной личности. Эта личность через ошибки и грехи приходит к освобождению. Фауст идет одиноким путем. Все рассматривается с *его* позиции: все настолько значимо, насколько оно значимо для него. Он вечно стремится к определенной цели, которой он для себя и через себя намеревается добиться. Грэтхен, Елена и земля, которая может быть восстановлена из моря, и есть цели, к которым он стремится, не учитывая остальных. Они лишь ступени в развитии его ЭГО. На самом деле, Фауст чрезвычайно несоциален в своем отношении. И “общество”, которое милосердно принимает его одинокого в свою среду, является обществом небесных Сил, в котором он не может принимать участия. После своей земной смерти он становится членом общины - на протяжении всей своей жизни он скитается *один*.

Однако в чем же заключается его значение? Какое позитивное качество находит через него как символическую личность выражение? Важность Фауста не в его моральной чистоте, не в его свободе от ошибок, но во внутренней силе, которая смогла противостоять скопившимся силам мира призраков, и не угасла. “Тот, кто вечно стремится - с тем мы, в конце концов, найдем освобождение”. Этими словами небесные Силы выражают позитивную сторону Фауста. У Фауста была *мощь* внутри, не дающая его сознанию быть потопленным в мировом океане, и позволяющая ему *постоянно находится вместе со своим ЭГО*; и это было оценено небесными Силами как равная цена его моральной праведности, то есть детской невинности, мощи искупления. *Честность его ЭГО самого по себе* дала Фаусту возможность быть поднятым в ту же сферу, где живут детская невинность рожденных в полночь и заслуга покаявшихся.

В сказании о граде Китеже небесным Силам пришлось бы сказать: “Тот, кто страдает без остановки, того ждет искупление”. Получается, что освобожденной нужно считать не индивидуальность, а скорее общину. Так как вопрос, лежащий в основе сказания о Китеже, такой: Как мы можем освободиться? А сказание о Фаусте отвечает на вопрос об освобождении индивидуальной личности.

В Фаусте Гете нет оправдания эгоизму, скорее, в нем присутствует описание пути человеческого ЭГО, которое, благодаря внутренней силе человека, достигает объединения с духовным миром, несмотря на весь эгоизм, присущий ему. Кроме того, в сказании о Китеже присутствует оправдание пассивности и группового поведения. Подобно тому, как сила ЭГО в Фаусте была признана Небесами священной; также способность посвящения народа Китежа была признана Небесами священной. Существует оправданный эгоизм, допущенный небесами; Также существует оправданная всеобщность, допустимая небесами. И также как *деятельность* Фауста открыла ему вход к небесам, также *пассивность* служанки Февроньи открывает вход в невидимый город Китеж.

Оправданная деятельность существует, но она должна быть направлена вниз для того, чтобы все, что вверху, склонилось в виде милосердия. Также существует оправданная пассивность, которая, однако, может быть раскрыта только по отношению к тому, что “наверху”.

И эта оправданная деятельность и является той основой, которая присутствует в процессе развития ЭГО. Русская душа должна быть пассивной, чтобы получить в будущем духовную сущность.

Сказания Фауста и Китежа раскрывают два значимых примера: импульс ЭГО и импульс к духовной сущности как откровение значимых сил немецкого и русского народов.

10. Восточно-европейская концепция страдания.

Несколько лет назад большой американский журнал о фильмах обратился к своим читателям с просьбой принять участие в конкурсе новых идей для фильмов. Среди различных условий, которым должны были следовать участники, было одно особое, без следования которому любая идея становилась неподходящей. И таким условием был “счастливый конец”. Каждая идея для фильма должна быть со счастливым концом, иначе она вообще не могли рассчитывать на успех. Она просто не подошла бы вкусу американской публики. Другой американский журнал устроил конкурс с подобными требованиями, но представленные там рассказы должны были быть “правдивыми”. И требовалось, чтобы они были не просто “*правдивыми*”, но они также должны иметь “счастливый конец”, так как американский читатель не выносит рассказов, которые, может быть, и правдивые, но с несчастным концом. Эти примеры американских тенденций симптоматически показывают отношение американцев к страданиям. Страдание для американца - это то, что вообще не должно присутствовать в жизни. Оно должно быть убрано из жизни. А если оно продолжает существовать, если оно все еще преследует все темные уголки жизни, то это из-за того, что цивилизация еще недостаточно развита. Однако придет время, когда прогресс цивилизации положит конец страданию. Человеческие существа тогда будут все материально в безопасности. Они будут либо здоровыми или, если они заболеют, то будут полностью освобождены от болезни с помощью анестезии, таблеток и т. д.; и тогда они будут наслаждаться долгой жизнью. Однако пока этого еще

не достигли, боли надо стыдиться так же, как люди стыдятся низших процессов тела. Так как присутствие страдания бессмысленно и является тем, чего надо стыдиться.

Тенденция страдания как чего-то бессмысленного и того, чего надо избегать, представлена американским писателем Милфордом в форме, которая является окончательным практическим последствием отрицания страдания. В своих двух работах “*Скандал Умирения*” и “*Скандал Жизни*” он мощным языком постулирует *позорный* вид не только страдания, но также и его высшей формы - смерти. Возможность избавления от боли и смерти он видел в сильном импульсе концентрирования на “*позитивном*”, полностью пренебрегая страданием.

Такие поиски абсолютной “*позитивности*”, через которые страдания должны быть изгнаны, представляют собой глубоко укоренившуюся движущую силу американцев: ключ к секретам Америки. Однако одним из секретов существования является тот факт, что все значимое имеет где-то свою полярность. У каждого существа есть своя противоположность, у каждой идеологии - противостоящая ей идеология, у каждой культуры - противоположная ей культура. Одновременно с ростом американской культуры на земле возникла в другом месте ее полярность. И это культура, развивающаяся в Восточной Европе.

Руссинизм и американизм - две полярных противоположности. И нигде более ярко не проявляется эта полярность как в их понимании *страдания*. Насколько страдание отрицается в Америке, настолько оно *утверждается* в России. Мы попытались описать такое утверждение страдания в России с одной стороны в статье “Сказание о Святом граде Китеже”. Мы рассмотрели, как страдание проявило себя в связи с этой легендой. Но более полное и сознательное выражение “*мудрости страдания*” можно найти в работах замечательного представителя русской духовности Федора Михайловича Достоевского.

Великий художественный труд Достоевского выражает определенные взгляды. Все его работы являются тем средством, через которое он открыл человечеству, живо и ясно, определенные истины, глубоко посаженные в его душе. И эти истины, которые представил человечеству, не были просто его личными убеждениями. Скорее, он сделал сознательной мудрость, которая находилась в глубинах

русской народной души, через слова. Эти истины заключались в особом понимании *страдания* и *вины*. Страдание для него это то, чего не надо избегать. Оно ценно. И каждый страдающий человек приобретает что-то от этого страдания. Оно дает человеку бóльшую ценность. Старец Зосима встает на колени перед Дмитрием Карамазовым, когда он осознает, какие страдания ожидают Дмитрия (“Братья Карамазовы”). Святой человек склоняется перед недисциплинированным, вспыльчивым молодым человеком, так как он преклоняется перед его будущим страданием. В этом замечательном поступке Зосимы есть еще нечто. Он содержит вдобавок выражение благодарности от всех людей за все, что выстрадает Дмитрий. Так как каждый страдалец - даже преступник - страдает за всех людей. Все человечество больно, и эта болезнь всего человечества находит свою критическую точку в конкретной индивидуальности и через него бремя снимается с других. Подобно тому, как при нарыве весь яд организма концентрируется в одном месте так, что организм как целое свободен от яда (так как когда одна часть организма концентрирует на себе большое количество ядовитого вещества, организм как целое имеет преимущество), так и каждый страдалец, да, даже тот, кого одолевают темные силы зла, кто объят злом, представляет собой место среди человечества, где собирается весь яд на благо других. Поэтому благодарность Зосимы через “стояние на коленях” имела большой смысл, так как в Дмитрие накопилось до предела Карамазовское “ядовитое вещество”.

И так со всем страданием. Страдание никогда не является просто “личной проблемой” *одной* индивидуальности, оно затрагивает все человечество. Итак, вот первый тезис концепции страдания по Достоевскому -

каждый страдает за всех.

Достоевский показывает, как эти два вида страдания могут слиться в одно. Он показывает, как каждое наказание может быть преобразовано в детские переживания высокой жизни. Каждое наказание несправедливо, оно мучение, пока человек не признает свою вину. Однако если он ее признает, то это уже пробуждение к высокой жизни, и наказание перестает быть наказанием, а, скорее, процессом рождения через боль в более высокого человека.

Справедливость может существовать только тогда, когда вина была признана, и наказание желаемо добровольно. Когда, однако,

такое случается, вмешивается процесс милосердия из духовного мира; тогда справедливость становится освещенной светом, который начинает излучаться изнутри человека. Подобно тому, как луна днем затмевается солнечным светом, также и справедливое наказание затмевается светом солнца - милосердия, который всегда светит в глубинах гуманности.

Второй тезис можно сформулировать так:

*каждое наказание может быть преобразовано
в самопожертвование, в детские переживания
более высокого человека.*

Такое понимание возможно лишь тогда, когда человек обладает сильным чувством принадлежности ко всем людям, к единству человечества. Из этого чувства рождается другое фундаментальное понимание Достоевского: в каждом преступлении у его истоков намного больше виновных людей, чем можно себе представить. Целое в ответе за все его части. Так, например, все братья Карамазовы были виновны в убийстве их отца. Дмитрий хотел это сделать (однако, он этого не сделал). Иван *знал* о плане и не предотвратил его. Алеша *был не способен* предотвратить его, вот в чем его вина. Убийство было совершено рукой лакея Смердякова; но *силы*, руководящие его рукой, принадлежали другим. И так в каждой общности. *Многие виноваты*, когда грешит *один* человек. В будущем развитии сознания будет необходимо принимать в сферу сознания не только свои поступки, но также поступки других. Сознание может расширяться, оно может пробудиться до своего окончательного предела, когда человек осознает следующий факт: ты член целого. И живое ощущение этого факта приводит нас к признанию третьего тезиса, выдвинутого Достоевским:

*в индивидуальном преступлении
многие виноваты.*

Если человечество - это целое не только физически, но также и морально; и если оно принимает то, что страдание и вина отдельной личности затрагивают всех, тогда возникает вопрос. А что же тогда со светом, со всем хорошим и истинным? Если темнота, боль, грех всех затрагивают всех, не должно ли быть также со счастьем, радостью, добротой? Разве не обладает все человечество всем, что процветает?

Задавая такой вопрос, мы направляем наше внимание на самое важное, на самое важное из пониманий Достоевского. Ведь мы, на

самом деле, спрашиваем о природе той силы, которая может преобразовать внутри наказание в самопожертвование, которое делает страдание ценным, которое позволяет всем нести вину всех. Эта сила также для всех, как и страдание и вина для всех людей. Это сила, которая делает все страдания святыми, которая может преобразовать любое наказание в самопожертвование, которая является солнцем сознания, Светом, “который освещает каждого человека, проходящего в этот мир”, - эта сила ХРИСТОС. Христос для Достоевского не является ни догмой, ни идеалом. Он действительно присутствует везде, где присутствует страдание так, что человек хочет стать перед ним на колени. Везде, где наказание через чудо внутреннего преобразования начинает светить как самопожертвование для всех людей. Когда свет падает через скрытое стремление твоей собственной души, которое делает тебя тоже ответственным за дела и поступки, от которых в противном случае ты бы тут же отвернулся - тогда присутствует Христос. Это и является последним и главным тезисом “мудрости страдания” Достоевского:

*все страдания могут быть восприняты
как дыхание духа Христа
в человеческих душах.*

Отношение Достоевского к страданиям является характеристикой России, также как отношение Милфорда к страданию (как к чему-то бессмысленному) типично для Америки. В Америке также естественно отвергается страдание, как естественно оно утверждается в России. “Счастливый конец” для русской духовной жизни - даже для русской судьбы - так же странен, как и русская тенденция к самобичеванию странна для американца. В работах Достоевского нет “счастливого конца”; но через тучи страданий и страсти, окружающих его героев, часто прорывается свет того существа, которое

*является ключом к секретной загадке утверждения страдания.
Загадке человека, становящегося богом...*

11. Воскрешение как процесс внутри человеческого организма

Рудольф Штайнер показал различными путями, как силы, действующие в человеческом организме, представляют собой живое

противоречие. Человеческий организм как таковой, является противоречием, ставшим плотью; так как созидательные и разрушительные силы постоянно там борются. И эта борьба и является человеческой жизнью.

На философском языке Гегеля это звучит примерно так: человек есть такое “место” в мире, где тезис и антитезис *примыкают друг к другу*; и через это примыкание возникает процесс, который стремится к синтезу. Этот синтез еще не существует, но потребность в нем неизбежна, так как противоречие *живет*. Человеческий организм как таковой, далек от решения проблемы - наоборот, он *конкретная иллюстрация* проблемы. Организм по самой своей структуре требует других условий.

То, что мы здесь выразили - абстрактно; наверное, для того, чтобы понять это более живо, нужно сказать так: человеческий организм - это арена для жизненных процессов и сознательных процессов. Жизненные процессы бессознательны, сознательные процессы безжизненны.

Для меня мое действие переваривания бессознательно, в то время как мое действие мышления сознательно. И далее, через процесс переваривания мой организм укрепляется, а через мое мышление организм разрушается. Пока я думаю, в моем организме происходит смертельный процесс. Происходит влияние, которое действует в противоположность жизненным процессам. Каждый процесс сознания означает победу над жизненными силами в области организма - каким бы маленьким он ни был. Там, где подавляются жизненные силы так, что создается безжизненное пространство в организме, зажигается познание.

Поэтому человек на протяжении всей своей жизни находится в противоречии: приносящее смерть сознание и жизнь, уничтожающая сознание. Это противоречие между светом сознания и тьмой жизни описано в драматическом духе в начале Евангелия от св. Иоанна: “Свет сияет во тьме, и тьма не победила свет”. Все последующие слова в этом Евангелии содержат описание решения этого противоречия между светом и тьмой.

Тот факт, что Евангелие от св. Иоанна посвящено этому противоречию, не является необычным, так как его существование имеет наивысочайшее моральное значение. Именно имея в виду это противоречие в нравственной жизни, св. Павел обращался с

огненными словами в эпистиле к Римлянам; он сказал, что тьма в человеке имеет силу жизни, а свет в человеке, несмотря на то, что он делает видимым зло во тьме, не имеет достаточно силы преодолеть ее. “То добро, которое я хочу совершить, я не совершаю; то злое, которое я не хочу совершать, я совершаю”, - сказал Павел, указывая на прототипную проблему нравственной жизни, а именно: как нравственное понимание, однажды приобретенное, может действовать вместе с той же естественной силой, как действуют инстинктивные побуждения? Как может *сила* добра присоединиться к *пониманию* этого добра?

Этот вопрос задается всеми устремленными людьми. “Эстетические письма” Шиллера, “Сказка о Зеленой Змее и Прекрасной Лилии” Гёте, вся жизненная работа Достоевского, драма “Четыре Апокалиптических Зверя” Альберта Стеффена - все эти работы своим главным вопросом имеют следующий: как может сознание достичь силы жизни и как может жизнь светиться в ясности сознания?

Что же действительно имеется в виду под этим вопросом? Ответ может быть найден, если мы рассмотрим определенные результаты антропософического исследования человека. Известно, что человека можно рассматривать как двойственность, состоящую из двух частей, где одна часть удаляется во время сна, а другая остается лежать в кровати. Во время сна происходит разделение: эго и астральное тело отделяются от жизненного тела и физического тела. Во время пробуждения две части снова соединяются вместе. Но полярность этих двух частей не согласовывается через объединение. Наоборот, она приобретает еще более интенсивность реальность, так как процессы сознания астрального тела возникают против жизненных процессов жизненного тела. Поэтому в пробужденном человеке возникает описанное нами выше противоречие. И когда устремленное эго человека достигло морального понимания так, что оно “хочет добра”, тогда это понимание присутствует, ярко светя и зажигая изначально независимый жизненный поток, который, однако, идет своим собственным путем. Под трагическим противоречием между “законом” - “тем добрым, что я хочу совершить” - и силой зла человеческой природы - “тем злом, которое я не хочу совершать” - Павел имел в виду ощущение того, что человеческое эго может трудиться над астральным телом, но у него нет мощи существенно

преобразовать жизненное тело и физическое тело. Противоречие между нравственным законом, бросающим свет на зло, делая его при этом видимым, но бессильный превзойти его; и изначальной силой темных побуждений зла - это противоречие, перенесенное, с одной стороны, в нравственную сферу эго и астрального тела и, с другой стороны, в жизненное тело и физическое тело.

Тогда что же дает добру, однажды увиденному, силу быть не просто *процессом сознания*, но также стать *жизненным процессом*. В чем же заключается эта сила, способная пронести нравственные качества в биологическое королевство для того, чтобы действовать с существенной мощью? Или, другими словами, что может дать эго силу действовать не только в астральном теле, но также глубже, в жизненном теле, и даже в самом физическом теле?

Ответ, данный Павлом, такой: Иисус Христос. Иисус Христос и есть та мощь, которая может дать силу добру в человеке, позволяя ему действовать в той области человеческого существа, где жизнь и смерть борются друг с другом.

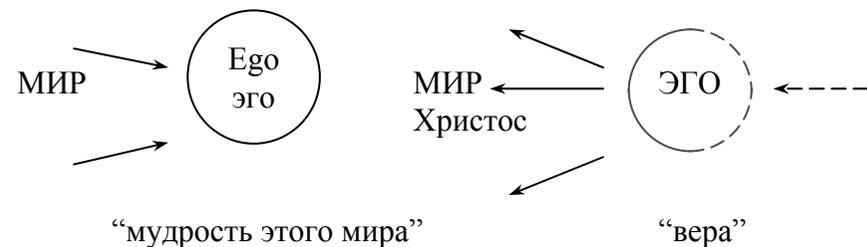
Но об этом деянии Иисуса Христа не нужно думать как о приходящем извне, как действие естественных сил. Хотя мощь Христа в человеке действует с изначальной силой, она действует иначе, чем естественные силы, так как она действует *через человеческое эго* - в то время как естественные процессы происходят за пределами человеческого эго. Естественные процессы подчиняют человеческое существо; сила Христа не подчиняет человека, она действует без посягания на человеческую свободу ни в малейшей степени.

Чтобы понять, как это возможно, нам нужно представить, что у человеческого эго есть “перед” и “зад”. *Впереди* эго человека распростился целый мир видов, который эго созерцает и на который также влияет. *Позади* эго человека находится “задний план”, который сначала ему неизвестен. Из этого “заднего плана” эго получает побуждение, также как на переднем плане объекты ощущений запечатлеваются на эго. Влияния природы исходят из переднего плана, в то время как влияния мощи Христа идут с другой стороны существования, с заднего плана. Мощь Христа льется из основ существования заднего плана в человеческое эго, наполняет его и наделяет его мощью, которой оно само по себе не имеет - а именно, мощью вносить добро, как изначальную силу, в мир.

Такое действие мощи Христа - данной эго человека как подарок, *внутренне* наполняющий, оставляющий ему свободу - было названо Павлом “милосердие” (charis). Это милосердие является процессом, через который эго получает в своих стремлениях к добру силу добиться *большего*, чем оно могло бы, имея лишь свои собственные силы.

Чтобы это действие милосердия стало возможным, эго должно открыться ему. Эго должно стать проницаемым. Такое происходит, когда эго *активно*. Эго, которое излучает силу, посылая ее вперед, создает возможность получения сил с заднего плана. Эго, которое закрывается в себе эгоистическим образом от внешнего мира, не оставляет возможности проникнуть милосердию свыше. Оно наполнено собой.

Открытие себя влиянию милосердия, проникающего в эго с заднего плана, который Павел назвал “верой” (pistis). И, противопоставляя “праведность через веру” “праведности через труды”, он хотел сказать, что эти “труды” (действия, исходящие из человеческого эго, не пронизанные Христом) оказывают *существенное* влияние только на астральное тело. А в физическом и эфирном телах они действуют лишь *формально*. С другой стороны, действие “веры”, то есть мощи Христа, работающей через человеческое эго, которое открыло себя ей, прямо проникает в самую глубь материальности, не формально, но существенно. И эта “вера” противопоставляется также Павлом с “мудростью этого мира”. Так как “мудрость этого мира” навязывает себя как *данные факты* или естественный закон над человеческим эго извне, с переднего плана. В то время как “вера” свободна от поступков эго самого по себе в открытии себя влиянию Христа. Мы можем показать различие между “верой” и “мудростью этого мира” более ясно следующим образом:

Нигде различие между “мудростью этого мира” (сознанием, занятым установлением фактов или отражением событий) и “верой” (сознанием создающим, исходя из собственной сущности, что-то новое, еще не существующее в мире) не видно так ярко, как в вопросе Воскресения. “Мудрость этого мира” (мира того, что дано) учит тому, что в соответствии с его законами каждое индивидуальное существо заканчивает смертью. Однако Воскресение не могло произойти без содействия людей, и оно не может произойти без “веры”. В этом заключается задача человечества в будущем, осуществление которой не может ожидаться от *мира*, а лишь от человеческого *Эго*, через которое действует творческая сила милосердия сверху вниз, в законченный мир фактов.

Воскресение является целью работы человеческого Эго над организмом. А этот организм - что мы пытались показать выше - является живым противоречием. Все сознание раскрывается в нем на основе смертельных процессов; вся жизнь раскрывается в нем, отталкивая назад сознание. Такой организм, будучи именно так устроен, ставит вопрос будущему: возможно ли развить сознание так, чтобы оно не было производящим смерть и имело сознательную жизнь?

Влияние мощи Христа на человеческий организм заключается в следующем: *начинаются сознательные процессы, которые в то же время являются жизненными процессами*. И когда мы говорим “Христианство”, то это не система догм или ритуалов, но начало существования значимо новых процессов в человеческом организме, которые постепенно отходят от разрушительных процессов сознания и строящих процессов жизни. Внутри организма, где сознание возможно только через смерть, и жизнь - лишь через бессознательность, - рождается новый организм, который состоит из *жизнедающего* сознания. Там, где жизненное тело, содержащее минеральные вещества, проникает в физическое тело, образуется новое тело: тело любви. Любовь - это космическое вещество, которое связывает внутри вместе сознание и жизнь в одно целое. Это тело любви все еще маленькое и слабое - оно еще с трудом ощущается за процессами смертельного сознания и бессознательной жизни. Но оно вырастет и постепенно завоевывает все большую территорию внутри обыкновенного организма, “старого Адама”.

Через тысячелетия человек постепенно преобразует себя в “нового Адама”, в то тело любви, тело Воскресения. Это уже происходит, но не само по себе. Требуется совместная работа “веры” и “милосердия” настолько, насколько человек свободно открывает себя мощи Христа, которая в таком случае вливается в него, перестраивая его этим так, что в будущем тело станет его, будучи победителем смерти.

12. Возможности развития Восточного Христианства.

Одним из возможных восприятий, которые могут проявляться среди народов Восточной Европы, является то, что в этих странах усиленное участие души в жизни церкви не является помехой для принятия духовной науки Рудольфа Штайнера. Не возникает конфликта в душах тех людей, которые, с одной стороны, через судьбу и внутреннее расположение в большей степени объединены со всем, что принадлежит жизни Восточной церкви, а с другой стороны, обратились с такой же преданностью к антропософской жизни. Даже возможно, не учитывая различные внешние ситуации, наблюдать противоположное: сосуществование антропософии и Восточного Христианства не только не вызывает конфликта в душах честных, непредубежденных людей; а, скорее, оно дает внутреннюю защиту всей душевной жизни таких людей. Через него развивается душевная жизнь, которая объединяет ясность мысли с теплотой открытого сердца и естественностью всей природы.

Поэтому мы можем сказать: *в сфере души* антропософия обручена с *духом* Восточного Христианства. Через это соединение возникает нечто такое же позитивное, как через соединение истинно научного отношения разума с антропософией. Подобно тому, как встреча научной точки зрения и связей духовного исследования не создают конфликта в душе, так же и религиозные убеждения, встретившись с антропософскими истинами, не создают конфликта. Религиозные убеждения такого вида, которое имеет открытое сердце к истинам духовной жизни, не смотрит ни на что еще существующее в Восточном Христианстве; ведь до недавних времен в нем всегда было больше любви Христа, чем чего-либо еще. Сущность жизни Восточного Христианства была во внутреннем общении человека с

действительно присутствующим Христом. Такое общение и любовь к Христу считались более важными, чем проблемы догм и организаций, так как существенное различие между греческим и римским католичеством, заложенное изначально, заключается в том факте, что догма и организация играют совсем другую роль. Факт, который можно наблюдать везде, заключается в том, что греческий христианин не чувствует себя привязанным в своем *мышлении* к определенным формам; для него *свобода мысли* не является грехом. Верующий же римский христианин, с другой стороны, просто из-за того, что он принадлежит римской церкви, привязан по должности к особому виду мышления, заложенными христианскими главами. Мышление католика должно подчиняться порядкам “безошибочного” официального учения в Риме. *Безошибочность* догмы, установленная в Риме, является последним разрывом со свободной духовной жизнью.* Думать свободно и быть католиком становится двумя несовместимыми вещами. В Восточной церкви такое совмещение еще возможно. Такие личности как Соловьев и Достоевский были свободными в своем мышлении, но в то же время они были полностью православными. И это было возможно, так как догма не была в действительности охвачена в интеллектуальном плане. Она парила в высотах небес, намного *выше* уровня интеллекта. И поэтому она *не давила* интеллект - она является объектом больше обращенного вверх *созерцания*, чем таинством для мышления. На Востоке догма не выливалась в форму мысли *наряду* с другими мыслями. Она продолжала порхать на некоем сверхмыслительном уровне, не спускаясь в сферу умственного мышления, как будто ожидая, пока люди - с их способностями понимания - вырастут до нее. Догма была воспринята, например, Соловьевым не как таинство, а как цель для мышления. Для него ницшеанское вероучение, к примеру, (которое,

* Восточные патриархи вместе с епископами выпустили в ответ на энциклику Пияса IX торжественную Декларацию, в которой они заявили то, что и “безошибочность” базируется чисто и только на ВСЕОБЩНОСТИ Церкви, объединенной через любовь; а неизменность догмы, также как чистота Ритуала, поручены не только заботам лишь одной церковной иерархии, но также и целой общине церкви, являющейся телом Христа (Ченяков “Несколько слов Православного Христианства о Западных Исповедях”, 1853).

Энциклика - послание римского папы ко всем католикам или к католическому духовенству по вопросам вероучения, нравственных, общественно-политических проблем (М.Ю.).

кстати, не произносится в церкви, а поется) не являлось запретом других образов мышления, а скорее призывом к исследованию, стимулом к независимому познанию. И этот стимул в данном случае имел самые наилучшие результаты. Так как в нем мы имеем того человека, который поднялся в своем мышлении до понимания Христианства без отчуждения при этом процессе от духа Восточной церкви (см. “Двенадцать лекций о Боге-человеке”).

Так как догма на Востоке была сохранена на некоем звездном уровне, она не действует так принудительно на мышление, как в случае католичества (и также в протестантстве); а, скорее, она оставляет свободное пространство для мысли. В течении тысячелетий ее развития у Восточной церкви было мало интереса к интеллекту. У нее было такое ощущение, что учения Христианства возвышались над человеческими мнениями. Источник, из которого убедительная эффективность Христианских истин должна вливаться в души людей, не может быть найден ни в сфере аргументов, ни в таинствах авторитета; а, скорее, в непосредственном влиянии самого Христа. Церковь - это место, где человек общается с Христом. И все люди имеют право на это общение в одинаковой степени: и мирянин, и патриарх. На земле не нужно представителя Христа, не нужно “трона Петра”, так как Христос поднялся и живет *с нами* до самого конца. Многие люди на Востоке любили поистине присутствующего Христа - не просто верили в него, но *любили*. Эта любовь всегда была истинной внутренней жизнью Восточного Христианства.

Ни Библия, ни церковные традиции не являются той опорой, на которой базировалось Восточное Христианство. Скорее, оно базировалось на любви к Христу. И причиной, по которой свободный дух все еще продолжает качание, является то, что ничего в мире не может заставить человека *любить*. Любовь рождается в свободе. Волшебное дыхание, невыразимая красота фигуры Христа является источником, из которого убеждение в истинности Христианства проникает в души людей. И это непосредственное дыхание создает истинную жизнь Восточного Христианства. Кроме того, также является истиной то, что в России нет сомнения в существовании Христа. Он там либо любовь, либо ненависть. Даже безбожное движение большевизма в своей истинной глубине душевной далеко от *сомнения* в реальности Христа. Нет сомнения в том, что обеспечивает толкающую силу этого движения, что зажигает его пыл. Это

ненависть - огненное желание разрушить это дыхание Христа. Человек не сомневается в том, что он ненавидит со всей своей душой. Человек не относится синтетически по отношению к тому, что он намерен уничтожить.

Не меньшей правдой является и то, что все выдающиеся представители русской духовной жизни (в какой-то мере они поистине *представляющие*) обладали в их душе глубоким осознанием, что Христос живет. Не только Достоевский, Соловьев и Толстой, но также есть менее значимые представители русской духовной жизни, живущие сегодня, у каждого из которых по-разному присутствует связь с Христом. Стремление Достоевского понять и описать *борьбу* Христа с темными силами в человеке, стремление Соловьева развить *знание* о Христе через его софийскую философию, усилие Толстого сделать *внешнюю жизнь* выражением Христа - эти великие импульсы продолжают действовать даже сегодня и разрабатываются целым рядом личностей (к сожалению, иногда в самом бесполезном направлении). То, что Достоевский через свою жизненную работу направил в человека *чувство*, намеренно шевеля и пробуждая его ради задач современного человека; то, к которому Соловьев стремился привести *мышление* в свободном познании; то, что Толстой (не как мыслитель, а как стремящаяся личность) принес в мир как мощный импульс для *воли* - все это было просто и исключительно присутствие Христа очень близко, позади душ этих трех.

И когда мы сравниваем вопрос о возможностях развития Христианства, мы должны искать ответ не в абстрактной, а в реальной жизни. Реальная жизнь дает нам *ответ* на наш вопрос через три жизненных истории выдающихся, особенно представительных личности Восточного Христианства. Достоевский, Соловьев и Толстой фактически являются личностями наивысшего значения для развития Восточного Христианства. Они способны сказать нам на *языке реальности*, какие же это пути мышления, чувства и воли в Христианстве, проверенные опытом, и которым следуют на Востоке.

Однако, перед тем как мы будем говорить об этом (следующая статья), нам сначала нужно направить наше внимание на существенную разницу между Восточным Христианством и католичеством. Выше мы говорили об одной отличии - о значении догмы. Теперь вопрос состоит в понимании различия их отношений к сфере *организации*; особенно церковной организации. Так как на

Востоке догма порхает в небесах, и религиозная жизнь заключается не в особенном *вероисповедании*, но в прямом общении с *Христом - Существом*; также и Церковь на Востоке больше сверхчувственная, чем организованная. Ее сила заключается не в ее внешней организационной структуре, а в духовном существе, имя которому *СОФИЯ*.

Если мы поймем истинное значение “Церкви” (как оно на Востоке более или менее понято), мы столкнемся с вещами, которые очень сложно вместить в четко выраженные понятия. Но это может быть, по крайней мере, осознано через такую мысль: Церковь - лишь тело, внутри и над которым живет душа и дух.

Тело церкви - это внешняя организация, которая базируется на тройной основе Вероучения Семи Таинств и Иерархий, призванной наполнить эти Таинства. Это тело крупное и несовершенное (не в своей *форме* в виде Вероучения, Таинств и Иерархии, а в его *содержании*: человеке, наполняющем эту форму). Но в этом теле живет его душа, и в нем живет его дух. *София* является душой Церкви, Существа Мудрости, которая не может быть в обладании одного человеческого существа, так как она может раскрываться лишь *общине* человеческих существ. *Христос* - это дух Церкви. София как душа церкви принадлежит в то же время Сущности Христа. Она является дыханием, выходящим из Христа - Существа и оно сразу же получаемо душами. Она - действующее сияние вокруг Христа, *аура* его существа. В то же время, однако, она является независимым существом, чей образ - это Мария, Матерь Божья.

Такое понимание - что София, с одной стороны, является аурой Христа, но, с другой стороны, Марией, независимым Существом - объясняет самый непонятный факт, заключающийся в том, что, например, на иконах и Христос, и Мария представлены как София. Так как они члены *одного* Существа.

Следующим членом того же Существа является также видимая *Община*. Но это тот член, который принадлежит сфере смерти и страдания.

Теперь мы можем спросить: не должно ли это расширенное тело пойти *тем же путем*, как и человеческое тело Иисуса из Назарета? Не должно ли оно *тоже* пройти через страдания и смерть, что бы воскреснуть в *новое* тело, в Духовное тело? Разве в случае Восточного Христианства не имеем мы перед нами не только

идеальную аналогию, но так же и *аналогию судьбы*, повторение *Пути*? Разве мы не видим, что Восточное Христианство, которое осталось в значительной степени верным Духу Христианства, принимает путь страдания, который ведет к *смерти* его тела, церкви? И не слышим ли мы с *Запада*, как множеством способов исходят возгласы тех, кто проходит мимо без всякой заинтересованности, возгласов распятому Восточному Христианству: “Спасайте себя и спускайтесь с Креста!”?

Да, и уже многим меняют одеяния (некими “секретными” обществами, у которых есть свои личные особенные планы) на еще не умершее.

Тело Восточного Христианства рушится. Оно стремится к смерти. Но это не смерть от старого возраста, от истощения - это *мученичество*. Эта смерть - *ПУТЬ*. И так как этот путь был *принят*, он приведет к своей цели. После страданий и смерти следует Воскресение.

13. Соловьев, Достоевский и Толстой открывают Восточно-европейский образ мысли, чувства и воли.

Существует очень ценная русская книга, которая дает истинное описание пути развития русского крестьянина в середине прошлого века. Эта книга “*Путь пилигрима*” содержит, среди всего прочего, точное описание, как через определенные упражнения можно достичь “неразделенной” молитвы; то есть молитва может быть настолько глубока в сущности человека, что он будет молиться не только бодрствуя, но и во время сна. Процесс, описанный там, показывает, как особый ритм может быть внедрен в эфирное тело; так как, если внедрить молитву в *эфирное тело*, она становится независимой от бодрствующего сознания и продолжается день и ночь. “Сердце молитвы во мне само по себе с каждым биением”, - рассказывает пилигрим. - “Я часто просыпался ночью и слышал, как внутри молилось мое сердце”. Он начинал свое упражнение с произнесения короткой молитвы-формулы и достаточно долго продолжал этот процесс до потепления центра, который образовался в гортани и перешел в сердце. Тогда сердце стало молиться само по себе, и открылось духовное видение.

Здесь, на самом деле, виден весь исторический процесс Восточного Христианства, сконцентрированный на индивидуальном случае. Также как и *слова молитвы* стали сердцебиением Пилигрима, также ритуал Восточной церкви на протяжении веков стал особым *качеством эфирного тела* для людей Восточной Европы. И хотя в настоящее время ритуал сам по себе рушится, то, что он произвел в подсознании человека, несомненно присутствует, и в будущем откроется в новом виде.

Какое же особое качество присутствует в людях Восточной Европы, и как его раскрыть?

В статье “Возможности развития Восточного Христианства” мы указали на тот факт, что все выдающиеся представители русской культурной жизни имеют усиленную внутреннюю связь с Христом. Мы также говорим о следующем наблюдении: Восточное Христианство живет любовью к Христу. Оно действительно охвачено Духом, напоминающим тот, что *в Евангелии от Луки*. В нем живет Христианство Луки, Христианство пастушьих сердец, открытых свету Христа. Это Христианство базируется не на авторитете церкви, не на умственном убеждении, а на мгновенной сердечной связи с Христом. Подобно тому, как мы говорим об ориентировании на солнце определенных планет (гелиотропизм), также можно сказать о почти органической ориентировке на Христа людей Восточной Европы. И эта внутренняя ориентировка на Христа (которая *также* показывает себя в сегодняшней волне Христа-ненавистничества) и есть то качество, принадлежащее людям Восточной Европы, к которому и относится выше заданный вопрос.

Это качество *зародилось* через Восточную церковь; особенно через ее ритуал. Начав свое существование, оно, однако, становится независимым от церкви. Оно было особенностью индивидуального человека и проявлялось в значимых личностях через их превращение из “потребителей” церковной духовной жизни в “создателей” духовных ценностей для всего человечества.

Было довольно большое число таких создателей всеобщих человеческих ценностей, которые появились как метаморфоза из существа Восточного Христианства. Из них самыми важными являются *три* личности: Владимир Соловьев (+1990), Федор Достоевский (+1881) и Лев Толстой (+1910).

В своих жизненных работах эти три личности раскрывают пути дальнейшего развития Христианства в Восточной Европе с большой ясностью. И через этих личностей можно постичь три различных вида возможностей развития восточно-европейских людей как носителей определенной миссии по отношению ко всему человечеству.

Владимир Соловьев по праву назван величайшим русским мыслителем. Ни до него, ни после него никто не достиг больших результатов в области философского сознания в России. Но хотя и правильно называть его *величайшим* русским мыслителем, не совсем правильно называть его только *мыслителем*. Его отличие от западных философов заключается в *точке отправления* путей его мысли. В качестве точки отправления, “данного” западные философы берут мир ощущений или ЭГО; для Соловьева такой точкой отправления является не просто ЭГО, не только внешний мир, но в “данных” также присутствует Христос. Его целостный Гносис (его нельзя в точности назвать философией) построен не на двойственности ЭГО и мира, а охватывает Христа, ЭГО и мир. Для него Христос такой же реальный, как мир и ЭГО. И противоречие между миром и ЭГО существует для того, чтобы третий элемент Христос был лучше понят.

Следовательно, для него Христос не просто “суть веры”, но *реальное* решение загадки существования. Контракт между мной и миром и есть загадка существования, но реальность живущего Существа Христа и есть *решение* загадки. И все его мышление было сконцентрировано на *этом* решении.

Достоевский тоже был человеком, чья жизненная работа была полностью ориентирована на Христа. Но его интерес был направлен не только на *знание* Христа, но в первую очередь на состояние души, при котором Христос-Солнце мог бы ярко светить. Такое состояние души Достоевский ищет через описание жизни в предельной борьбе противоречий внутри человеческой души. Все противоречия, на которые только способна человеческая душа - все бездны страсти, ненависти, цинизма, с одной стороны, величайшая чистота, способность любить и утонченная культура сердца, с другой стороны, - он находит их и описывает с потрясающей силой. Через мощь противоречий изначальных душевных сил человека, так четко изображенных, он *пробуждает* душу читателя. Он может пробудить *чувства* к прототипной проблеме Чувства: как человек может достичь внутренней гармонии, единства всей его сущности, не теряя при этом

его *сил*, проявляющихся через противоречивые человеческие побуждения. Две силы встречаются в человеке: разрушительная, темная сила зла и созидательная, светлая сила добра. Эта встреча - бесконечная борьба, где один из полюсов побеждает.

Эта борьба - невыносимая трагедия, она предстает ужасным страданием для человека, который осознает происходящее. Каков же выход? Самоконтроль, *подавление* низшего высшим - это не ответ. По Достоевскому, форма самодисциплины не является решением проблемы, так как то, что подавляется, все еще присутствует. Оно может проявляться другими - невидимыми, скрытыми - путями (может быть через *других* людей?). У человека Запада присутствует самодисциплина, но за единство существа, достигнутого через нее, дорого платится - "высыхают" изначальные душевные силы. Возникает вид "начальника". Такого быть не должно. Человек не должен терять ни на йоту своих сердечных сил. Правильный путь заключается в достижении *вечного мира*, а не "мертвого успокоения".

Мощь, которая ведет к такому миру, проявляется в человеческой душе, когда она становится способной *утверждать* страдания и позволять силе любви протекать через них. Когда душа проходит через очищенный огонь страданий и встречается с таким существом, которое пробуждает *всю* человеческую душевную силу к объединенной мощи любви, тогда можно считать найденной ценность существования. Именно так открывается цельность человеческого существа; не через подавление (как в случае дисциплины), а через любовь, которая может быть настолько огромна, что *все* силы души могут быть охвачены ею.

Существует ли сущность, имеющая могущество зажечь такую любовь? Стоит ли что-либо в мире такой любви? Отвечая на этот вопрос, Достоевский указывает на Христа, который для него воплощал собой живое Присутствие в его собственной душе, но и в душах других людей. "То, что вы делаете своим братьям, вы делаете Мне", - такое отношение жило в душе Достоевского как решение прототипной проблемы жизни чувства, исходящей из его ориентировки на Христа.

Достоевский, также как Соловьев, по праву может быть назван великим русским человеком мысли и с не меньшим правом может быть назван великим русским человеком чувства. Никто так глубоко не раскрыл загадку боли и любви, как эпилептический осужденный,

Федор Достоевский. Подобно тому, как Соловьев дал возможность Гностическому импульсу для осознания Христа влиться в духовную жизнь Восточной Европы, указывая на будущие пути *мышления*, также и через жизненную работу Достоевского проходит импульс для *будущего человеческого чувства*. Направление, которое примет истинное развитие мысли в Восточной Европе, открылось нам через Соловьева; а основа будущего чувства становится нам видимой через Достоевского.

Благодаря Льву Толстому нам открывается еще больше. Не через его мышление, его взгляды философа, которые являются последним мерцанием *старых концепций*, не значительных для будущего; не через его *проникновения в человеческую природу*, которые мы видим в героях его романов. Не это ценно для нас. Как бы странно это не казалось, Толстой важен для нас не его философскими и художественными достижениями, а скорее *мощью его души*, которая вырывалась из него. Через Толстого выплеснулась огромная мощь духовной жизни, которая сама по себе, даже не учитывая его работы, представляет собой мировое историческое событие. Человек, *побужденный чисто внутренними импульсами*, может вступить в такой конфликт с окружением, которое любит и почитает его, что несмотря на возраст в 81 год он продолжает следовать мощному импульсу *начать жизнь заново* - независимо от того, насколько он продвинул и стар (здесь видны симптоматические выражения мощи, свободной от всех описанных путей, которые могут даровать “вечную молодость” через способность постоянно по-новому браться за человека).

В Толстом жила способность к начинанию заново, к изменению направления, к постоянной инициативе, что указывает на глубокие источники существования. Прощающаяся мощь внутри него является выражением, преждевременным открытием мощи *воли* людей Восточной Европы; спящей в данный момент, но нуждающейся в пробуждении в будущем. *Воля будущего* открывается через Толстого, подобно тому, как мышление и чувство будущего открываются через Соловьева и Достоевского. И эта воля была также проникнута импульсом Христа. Так как она выражалась, хотя и хаотично в изначальном желании преобразить жизнь - внешнюю жизнь, так, чтобы она стала откровением Христа.

Жизнь во все своих формах должна вся стать выражением *сознания*.

Подобно тому, как через Соловьева и Достоевского человечество получило импульсы к христианизации мышления и чувства, также через Толстого вошел импульс для христианизации *воли*, воли, что открывается в практической, ежедневной и социальной жизни.

Итак, мы видим, в таких личностях как Соловьев, Достоевский и Толстой семена - зародыши мысли, чувства и воли будущего. И это посвящение указывает на *четвертое семя - зародыш будущего*; а именно, *проникнутое Христом ЭГО*. Это и есть то ЭГО-сознание, на которое указывает апостол Павел в своих словах:

“Не я, но Христос во мне”.

Обратив наше внимание на *позитивные* возможности, наша задача состоит в том, чтобы рассмотреть также *негативные* возможности, которые могут помешать развитию людей Восточной Европы и отвести от их истинных целей. Это и будет предметом нашего дальнейшего рассмотрения.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Лекции Валентина Томберга об исторической роли России (1930-1931) передал нам Александр Киединг - наш учитель, друг и наставник. Перевод сделала Катя Конева, выпускница Томского Государственного университета, в 1999 году. Набор текста осуществляли: Леонид Волнин, Сергей Сергеев, Юля Моховикова и Галина Райнина. Пока эти тексты предлагаются только для определенного круга друзей (до официального выпуска книги и установления соответствующих договорных обязательств).

Галина Райнина

Редактирование - Райнина Галина
Корректирование, компьютерная верстка - Моховикова Юля